

ПОРОСЛЬ

Ирина Сергеевна Родионова родилась в Новотроицке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный университет. Работала учителем русского языка и литературы в родной школе и психологом в развивающем центре. Печаталась в журналах «Гостиный Дворь», «Бельские просторы», «Лёд и пламень» и др. Участница Всероссийских литературных фестивалей, совещаний молодых литераторов в Самаре, Казани, Уфе, Оренбурге, Химках. Победитель ежегодного областного конкурса «Золотая молодёжь Оренбуржья» в номинации «Творческая молодёжь» (2019). Обладатель специальной премии в рамках областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Живёт в Новотроицке.

ГЛАВА 4

Аяна

Аяна заперлась в туалете и теперь сидела на унитазе, поджав пальцы на ногах. Типичная ситуация для любого человека, о которой не принято говорить в приличном обществе. Правда, Аяна никогда в приличном обществе и не бывала, да и рассказывать никому об этом не собиралась, так что...

Над головой рыжеватая подмигивала лампочка, серые стены давили растресканным кафелем, голова пульсировала от тесноты. Сиденье унитаза скрипело как-то утробно, жалко.

Аяна держала в руках тонкую полоску, отворачивалась, ощущая, как дрожат пальцы. Глядела на кипу брошенных рядом с унитазом старых газет, на ёршик с коричнево-чёрными ворсинками,

* (Продолжение. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 18)

на пустой освежитель для воздуха, из которого Санёк однажды пытался сделать огненное сопло...

Полоска в руках казалась зыбкой из-за дрожи. Тикал секундомер на мобильном телефоне, который лежал на голом полу.

— Ты идёшь? — крикнула из прихожей Лидка.

— Сейчас, — хрипло отозвалась Аяна.

Ещё двадцать секунд.

Маленькая бумажная полоска в руках, а сколько от неё зависит. Лишнее красновато-розовое деление — и всё, пиши пропало. Аяна не понимала, как от жалкой полоски могла зависеть её неудачная жизнь. Отрицала это всей душой. Но всё равно не могла опустить глаза, потому что холодный страх узлом завязывался в животе.

Телефон пискнул — можно смотреть. Аяна медлила.

— Пошли! — заканючила Лидка, барабанив в дверь.

И Аяна глянула на полоску.

Встала, сунув ту в карман джинсов, застегнула жалобно взвизгнувший замок. Спустила воду из бачка, постояла, дыша тяжело, а потом распахнула дверь, взяв с ширинкой.

— Я хоть в туалете могу побыть одна?! — рявкнула привычно, и грубость легко сорвалась с губ. Лидка втянула голову в плечи.

Февраль в этом году выдался студёным. Таким, что на улице ресницы заковывал в броню иней, а губы замерзали, стоило только выдохнуть из лёгких тепло. Не спасали ни куртки, ни ботинки, ни

толстые шапки. Лидке и Саньку, как малоимущим, подарили новые пуховики и сапоги, и теперь дети вечно пропадали на улице, не боясь схлопотать обморожение.

У Аяны осталась вытертая куртка Виктории, под которую спокойно забирался ледяной ветер и бесновался там, покалывая незащитную кожу. Аяна шла хмурая, с трудом продираясь сквозь сугробы. Грузная Лидка семенила следом, молчаливая, не решаясь и слова сказать.

Когда у старшей сестры случилось плохое настроение (а в последнее время это стало делом привычным), то стоило держать язык за зубами. Аяна, словно танк, проходила по самому больному, ранила острым языком так, что душа ещё долго заживала, кровоточа.

Лидка помнила каждое грубое слово, ведь они занозами впились в память, а поэтому сейчас молчала, едва поспевая за длинноногой сестрой.

В школе было душно; всю работу отопление, и Аяна, дожидаясь звонка на географию, резко почувствовала липкую дурноту. Лицо покрылось мелкими холодными капельками, а в животе, наоборот, разыгралось цунами из удушающего жара. Оторвавшись от стены, Аяна прошла до лестницы, покачиваясь, бледная до синевы, и почти свалилась в руки Пашке.

— Привет, заяц, — привычно произнёс он, приобнимая за талию и целуя куда-то в уголок

губ. Потом оторвался, глянул на её скорченное зеленоватое лицо и спросил: — Что-то случилось?

— Нет. Да. В общем... Пойдём, поговорим.

— А география? — тупо спросил Пашка.

— К чёрту твою географию!

Крик прозвучал истерично, слишком громко. На секунду вечная текучка в школе прервалась — разбредаящиеся по коридорам школьники остановились как-то разом, и их липкие взгляды сошлись на Аяне, втянувшей голову в плечи. Схватив Пашку за руку, она потянула его вниз, пробиваясь сквозь мелких и беззаботных пятиклашек.

География. Какая там география! Аяна никогда не путешествовала, только как-то раз ездила с подружками в соседний Ильевск, где построили большой торгово-развлекательный центр, но и там она ничего не купила. Просто денег не было.

Никаких городов, деревень, а уж тем более других стран... Пределом мечты Аяны было уехать в большой город, как Виктория, получить рабочую профессию и начать самой зарабатывать, больше не ухаживая за выводком детей и не думая, на что потратить скудные запасы — на пару булок хлеба или пачку сигарет...

География Аяне казалась жестоким насмешкой — ну зачем ей может понадобиться угольная промышленность африканских стран, торговые союзы Англии или население Буэнос-Айреса?

В мире Аяны не существовало стран и материков.

Только школа и неудобная загаженная квартира с мелкими братьями и сёстрами. Сестрой. К чёрту!

В узком коридоре у бассейна не горели лампы — только свет с улицы едва вычерчивал из тьмы узоры затёртого линолеума и стены в голубой масляной краске. Пашка, темноволосый и черноглазый, мигом запрыгнул на подоконник, выставив худые ноги с закатанными штанинами, и скрестил руки.

— Что случилось? Откуда такая спешка? Ты же знаешь, мать меня за прогулы...

Вместо ответа Аяна вытаскивала из кармана джинсов бледную полоску и сунула её Пашке в руки. Тот взял осторожно, словно мерзкого жука, посмотрел на тест, прищурился. В тонких пальцах бумажная полоска выглядела ненастоящей, игрушечной. Аяна обхватила себя руками, зябко ёжась, — из окон и щелей немилосердно дул ледяной февральский ветер. Снаружи, на улице, было промозгло и хмуро.

— Это что? — спросил Пашка, когда тяжёлая тишина почти вдавила Аяну в обшарпанный линолеум на полу. Сердце глухо стучало в груди, словно не могло ударить в полную силу, словно плыло в глубине Аяниних страхов.

— Это, Паш, тест на беременность, — сказала она.

Он повертел его в руках.

— Две полоски? Ты сейчас серьёзно?

— Нет, я сейчас шучу, — едко отозвалась Аяна, впиваясь ногтями в свои плечи. — Я серьёзно.

Пашка молчал. Тест, полоска с двумя розовыми штрихами, явный намёк на скорое отцовство, в его пальцах крутился юлой. Аяне показалось на миг, что всё это страшный сон. И этот тёмный линолеум, и длинные Пашины ноги, где из-под штанин беззащитно выглядывала белизна его кожи с редкими волосками, и вязкий влажный полумрак...

Просто сон.

— Как это вообще?.. — пробормотал он, но Аяна не дала ему закончить, выплюнув кисло, как отраву:

— Знаешь, заяц, такое бывает. Если не предохраняться и спать, когда...

Теперь он не дал ей договорить — прыгнул и схватил за шею, ударил о стену так, что Аяна перхнула воздухом. Глаза у Паши почернели, налились нездоровым блеском — он, впившись пальцами в нежную шею, ещё раз несильно ударил девушку о стену, приблизив своё обозлённое лицо прямо к лицу Аяны:

— Заткнись. Не думай даже, что сможешь... Ты хоть знаешь, сколько презервативы стоят?

— Не знаю, — прохрипела Аяна, цепляясь руками за его руки. — Мы же никогда не покупали...

Пашка резко отпустил — шагнул в сторону, вздохмачивая

рукой волосы, отвернулся. Аяна согнулась пополам, закашлявшись. Боль, страшная и дикая боль, росла и ширилась внутри.

— Иди на аборт, — спокойно сказал он, не оборачиваясь.

— Вот так просто, да? С сыном своим? — просипела она, распрямляясь, держась рукой за горло.

— С чего ты взяла, что он мой? — Пашка обернулся с кривой ухмылкой, спокойный, уже сбросивший с плеч этот груз. Аяна почувствовала, как в ней вспыхивает зависть — ей вот тоже сейчас хотелось сказать, что это не её ребёнок, и проблема пропала бы сама собой...

— А чей ещё? — спросила Аяна. — У меня никого, кроме тебя, нет. Он твой.

— Я же этого не знаю, — почти весело ответил он. Наступил ногой на тест и втоптал его в линолеум. — Может, ты от кого-то залетела, а теперь пытаешься на меня это повесить. Не выйдет, заяц. Сама решай свои проблемы.

— Я, конечно, знала, что ты урод, но не до такой же степени...

— Заткнись, шалава. Такая же шлюха, как твоя алкашка-мать. Правильно мне говорили, что не надо с тобой связываться, что ты будешь такой же...

— Ты... — она стиснула кулаки, готовая ударить. — Знаешь, и правда вали. Без тебя разберусь.

— Пошла ты, — взвизгнул он, обрубая её голос. — Это не мой ребёнок и не мои проблемы! Всё.

И, отвернувшись, пошёл прочь. Не обернулся даже. Аяна

проводила его пустым взглядом, всё ещё обнимая себя руками. Присев, подняла грязный тест с пола — маленькая полоска, которая всё изменила. Не зная, почему делает это, Аяна прижала тест к себе, глубоко вдохнула и выдохнула, закрыла глаза.

Ещё вчера на улице он дул на её озябшие ладони и целовал куда-то в бровь, называл своей маленькой, а теперь орёт, что она нагуляла ребёнка...

Не то чтобы Аяна до сих пор верила в принцев или человеческую порядочность. Не то чтобы не замечала едких слов, чёрного юмора и пренебрежения от Пашки. Она прекрасно знала, что это ненадолго: после учёбы в школе он поступит в престижный вуз и забудет о ней, а Аяна окончит колледж, и ей тоже не будет дела до этой первой угловатой любви. Он был грубым, ненадёжным. Они встречались уже долго, наслаждались отношениями, но он явно не тянул на девчачью искреннюю мечту.

Только вот почему-то всё равно было тяжело.

Вода из-под крана в женском туалете была ледяной и отдавала ржавчиной, но так приятно было подставлять лицо под тяжёлую струю... Казалось, что этот мерзкий разговор утекает вместе с водой в потемневший слив. Аяна прополоскала рот, вытерла губы влажными салфетками, глянула в маленькое зеркальце — останки разбитой пудреницы.

Красные прыщи, усыпавшие лицо, горели, как ягоды калины.

Уродина. Раскосые чёрные глаза, которые почти не видны в складках век, выпщипанная нитка бровей, воспалённая бугристая кожа... Убрав зеркальце, Аяна набрала полные ладони холодной воды и прижала их к щекам.

На перемене она взбежала по лестнице, не обращая внимания ни на кого вокруг, — её заплаканные глаза вызывали у окружающих нездоровый интерес. Кто-то вцепился рукой в запястье — это Лидка, удивлённая и немного напуганная.

— Всё нормально?!

— Да, — мрачно отозвалась Аяна. — Всё просто зашибись.

Кабинет гинеколога был светлым и пустым — смотровое кресло повернули прямо к окну, и лежащая Аяна не только чувствовала спиной скользкий холодный металл и бархат одноразовой пелёнки, но и застывшим взглядом цеплялась за небо. Небо было красивым: светло-голубое, от нежной бледной дымки к насыщенной синеве, ни единого облака. Хорошее такое небо, оптимистичное и беззаботное, полная противоположность того раздрая, что творился внутри Аяны.

В соседней комнатке медсестра расчерчивала линейкой медицинские карты. Врач, стянув с рук одноразовые перчатки, ушла в кабинет и торопливо писала что-то на листочке, пока Аяна неспешно одевалась, застёгивая все

пуговички и молнии. Каждое движение было медленным и скованным — она словно водила руками в холодной воде, копалась в облаках ваты, оглушённая новостями.

В комнате, заставленной двумя письменными столами, было зябко. Аяна села на стул, сгорбившись, переплела дрожащие пальцы. Этот кабинет вызывал у неё зуд и нестерпимое желание сбежать — встать, попроситься и уйти, сделав вид, что ничего не произошло. Она никогда не ходила по врачам. Но теперь проблема была серьёзной, и сбежать от неё невозможно...

На пластиковом окне стоял одинокий хилый цветок с бледно-розовым соцветием, напоминающим полоски на тесте. Тест лежал в кармане джинсов, смятый и грязный, первая вещь Аяниного нерождённого сына. Первая ниточка связи с ним.

Стопки карт, поблёскивающая сталью ручка, мусорная корзина с зелёным пакетом, набитым бумагой, резкий запах медикаментов, белоснежный халат... Поставив последнюю закорючку, врач начала бормотать, выискивая карту Аяны — бледную тонкую тетрадку, которую девушка только что завела в регистратуре. Листочек с её данными приклеили прямо поверх надписи «тетрадь по географии ученицы 9 «Б» класса Мамедовой Аяны».

Исписанные скудно листы Аяна выдрала в коридоре, пока ждала своей очереди. Какая тут география?

— Значит так, Аяна. Лет сколько нам?

— Шестнадцать полных, — безжизненно прошелестела она.

— Понятно. Несовершеннолетняя. Ну, ничего, и помладше рожают здоровых деток, главное — сдавать все анализы и приходить на приёмы, попробуем сохранить твою беременность. Срок маленький ещё — недель семь, вовремя пришла. Сразу начнем пить витамины, я выпишу тебе лекарство, оно поможет...

— Я хочу прервать.

Медсестра даже не прекратила расчерчивать поля — прикладывает линейку к листу, проводит скрипящей красной ручкой снизу вверх, перелистывает. Глаза врача блеснули над маской.

— Это серьёзное решение. Мне нужно поговорить с твоей мамой...

— Со мной говорите. Я понимаю, что это серьёзно. Я хочу сделать аборт.

Врач отложила ручку, выдохнула устало.

— Тебе шестнадцать лет. Ты знаешь, что если сейчас что-то пойдёт не так, просто из-за реакции твоего организма, ты, возможно, в будущем вообще не сможешь иметь детей? Я понимаю, тебе страшно. У нас есть психолог, она поможет...

— Нет. Вы не понимаете. Мне нужен этот аборт, — отчаяние скользнуло в голосе, и Аяна схватилась онемевшими пальцами за столешницу.

— Зачем он тебе нужен? Мама твоя, я уверена, поймёт

и поможет. Есть у тебя мама? Есть... Мальчик бросил? Так они практически все сейчас бросают, его проблема, что он лишится ребёнка. Возраст? Нормальный возраст, твой организм вполне созрел. Мы проведём, конечно, анализы, но я думаю...

— Я буду прерывать, — сказала Аяна. — Что бы вы ни сказали, что бы ни сделали...

— Почему? — спросила она и стянула маску, положила рядом с собой. У врача оказалось удивительно красивое лицо — светлая кожа с прозрачными веснушками, ровные губы в дорогой помаде, блестящие живые глаза.

— У меня мама пьёт, — почти весело сказала Аяна, не чувствуя подступающую истерику. — Она алкашка, запойная — как запьёт, так ничего не видит и не слышит. У нас дома постоянные попойки. Отца своего я не знаю: он бросил мамку, когда я была маленькой. Думаете, это мамку сломило? Нет... Всё гораздо веселее.

Врач молчала, скрестив на груди руки.

— Потом мама принялась искать любовь и рожать, рожать, рожать... Помимо нас с Викторией, появились Санёк, Лёша, Машка, Илья, Лидка, Петька... Потом Лёшка замёрз насмерть. Потом Машка бросилась под поезд. А мы остались тут — жить. Мать пьёт. Все дети от разных папаш, ни один с нами не живёт. Я для всех мать. Для детей, для братьев и сестёр. Виктория уехала учиться, а я их воспитываю.

Медсестра застыла с линейкой в руках, прислушиваясь, с жалостью глянула на Аяну. Только той жалость была не нужна.

— Илья — инвалид, у него ДЦП и ещё куча каких-то там синдромов, он просто лежит на кровати, машет скрюченными руками и стонет. Петька — младенец, ему недавно годик исполнился, а он не сидит, не ходит, не разговаривает. Только плачет. Тоже больной, наверное. И вы предлагаете мне родить в этот сумасшедший дом ещё одного, теперь уже моего ребёнка?..

Вопрос тяжестью застыл в воздухе.

— Прости, я не знала... — пробормотала врач.

Виноватые глаза стали спусковым крючком.

— Мне не нужен этот ребёнок! — закричала Аяна, взвываясь на ноги. — Нужна мать?! Без проблем! Я притащу её сюда, пьяную, и она подпишет всё, что угодно, ей плевать! Ей на нас плевать, на Петьку — я сама его всю жизнь кормлю, иначе он сдох бы уже от голода! А мой дебилый парень сэкономил на защите, а теперь заявил, что я ребёнка нагуляла! Вытащите его из меня, вытащите, так нельзя, нельзя!

Зарывав, она упала на стул. Боль и страх, скопившиеся в ней, теперь мутным потоком хлынули наружу, Аяна дрожала, захлёбывалась плачем.

Медсестра налила в гранёный стакан холодную воду, сунула его девушке. Зубы застучали о стекло.

— Аборты разрешены по своему согласию в шестнадцать лет, — тихо сказала врачиха. — Ты сдашь все анализы, и мы проведём медикаментозное прерывание беременности, это не больно и не страшно. Конечно, это большой стресс, и никто не пообещает тебе, сможешь ли ты потом...

— Я не хочу детей и никогда не захочу, поверьте! — провела Аяна, вцепившаяся в стакан. — Не надо, хватит! У меня их и так полный дом!

— Поверь, всё изменится, если только ты этого захочешь, — успокаивающе проговорила женщина. — Сейчас всё кажется крахом, трагедией. Пройдёт время, и вы вырастаете, уедете от матери, станете самостоятельными. Ты всегда можешь получить профессию, начать работать. Встретишь хорошего человека... Не ставь крест на своей жизни. Слишком рано. Всё ещё впереди.

— Вы поможете? — с надеждой спросила Аяна.

— Помогу. После сдачи всех анализов ты выпьешь специальную таблетку. Потом через день придёшь ко мне, мы всё проверим и дадим тебе вторую, другую. У тебя произойдёт выкидыш.

— И всё закончится?

— Да. Теоретически. Возможны осложнения — кровотечения, может понадобиться даже операция, выскабливание, когда...

— Я согласна, — Аяна вытерла лицо рукавом. — Где мне нужно расписаться?..

Ей объяснили все риски, провели целую лекцию, заставили подписать кучу бумажек и выдали стопку направлений на анализы. Но Аяна, сражённая опустошающей истерикой, чувствовала себя немного лучше. Теперь она понимала, что вышла на финишную прямую, и просто надо довести всё до конца. Перетерпеть. Пережить.

Скоро всё закончится.

— Аяна, — окликнула врач, когда девушка встала, собираясь уходить.

— Что? — она замерла. Ей показалось, что сейчас врач откажется, заставит её рожать, вытянет в этот мир новую, никому не нужную и несчастную жизнь.

— Своди младшенького к врачу. Если матери некогда, сходи сама. Не дело, что ему год, а он всё ещё как новорождённый, никакого развития...

— Свою, — пообещала Аяна, прекрасно зная, что никуда Петьку не поведёт. Ей сейчас свои бы проблемы решить...

В коридоре на Аяну смотрели почти с ненавистью — кажется, она проторчала в кабинете вечность, задерживая остальных. На лавочках сидели располневшие девушки и женщины с большими животами. Аяна засмотрелась на девушку, которая вошла в кабинет после неё, — красивый и округлый живот кольнул что-то в душе у Аяны, и она отвернулась. Положила ладонь на свой плоский живот.

Зажмурилась, пытаясь что-то почувствовать. Ощутить. Она ведь тоже сейчас... Внутри царил пустота. Только колотил сквозь джинсовую ткань смятый тест на беременность.

Спускаясь по лестнице, Аяна поняла, что её школьная сумка как-то резко отяжелела за то время, что лежала на стуле в кабинете. Остановившись, Аяна поставила сумку на окно, где к негреющим февральским лучам тянулась лохматая герань, и расстегнула молнию.

Остолбенела.

Целлофановый кулёк, полный конфет, — и карамельки, и шоколадные, и с орешками... Разноцветные этикетки заблестели в холодных солнечных лучах. Зашелестел пакет, когда девушка потрогала россыпь конфет пальцем. Просто чтобы убедиться, что это не сон... Сев на подоконник, Аяна расплакалась — жалобно, жалко. Как маленькая девочка.

Первая таблетка, ноющая и тянущая боль, от которой невозможно уснуть. Осмотр, хмурая и неразговорчивая врачиха с густо накрашенными глазами. Вторая таблетка.

Кровотечение. Скорая, которую Аяна вызвала к соседнему дому, — оделась посреди ночи, вышла во вьюгу, доползла до лавочки и села там, скрючившись от боли. Ватные ноги дрожали, словно желе. Девушку увезли в больницу. Внутренности рвали болью. Не в силах сдержаться

стоны, Аяна проклинала Пашку, который больше ни разу не позволил, не заговорил, превратился в малознакомого одноклассника.

Когда Аяна наконец-то вышла из больницы, потеряв не просто едва возникшего ребёнка, но и какую-то часть себя, небо было хмурым. Толстые серые тучи толпились над головой. Облокотившись о перила, Аяна достала пачку сигарет и закурила, не обращая внимания на снующих и неодобрительно поглядывающих на неё толстопузых женщин.

Низ живота тянуло, руки, в которые втыкали иглы капельниц, чесались, заживая. От наркоза, прошедшего давным-давно, ещё сохранялся лёгкий звон в голове.

Пустота. Набивая лёгкие табачным дымом, Аяна чувствовала глубоко внутри ощущение гулкой и беспросветной пустоты.казалось, что из неё выдрали не просто нерождённого ребёнка, а её собственную глупую душу.

Пусто. Выбросив окуроч, Аяна осторожно спустилась по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке, сторбленная, прижимая руку к животу.

— Вам помочь? — раздался голос сверху, и Аяна подняла потемневшие глаза в полукружьях лиловых синяков.

Мужчина, молодой и счастливый. Глаза горят, щёки пунцовые, в руках букет из шипастых роз. Очередной папаша. Быть может, хотя бы он не бросит своего ребёнка...

— Нет, всё в порядке, — отозвалась медленно Аяна, когда в его сияющих глазах начал появляться страх. — Нормально.

— Точно? Вы очень плохо... Может, позвать врачей?

— Не надо. Кто у вас?

— Прошу прощения? — между бровями у него пролегла складка, милая такая, почти детская. Ледяной ветерок ворошил его светлые волосы.

— Кто у вас родился?

— А, это?! — он тряхнул розами, и рот его сам собой растянулся в широкой улыбке. — Мальчишка. Сын!

— Поздравляю, — сухо ответила Аяна. Сын. Надо же. — Знаете, можете мне помочь. Подарите мне ваши розы. Пожалуйста. Мне никогда роз не дарили...

Улыбка его увяла, глаза забежали по сторонам — он явно был не готов к таким словам, застыл, молчаливый. Он не мог сбежать прямо так, бросив скрюченную девушку на заснеженной лестнице. Но цветы он принёс жене, которая подарила ему наследника. Сына. Как же он их...?

— Шучу, — против воли улыбнулась Аяна, отвернулась и медленно побрела вперёд.

Дома было темно и пусто — Аяна пощёлкала выключателем на кухне, прислонилась плечом к стене. Пока она добиралась до квартиры, на улице начало темнеть, и теперь лампочка на шнуре под потолком то вспыхивала, высвечивая горы грязной посуды

и заляпанные жиром обои, то гасла, погружая всё вокруг во тьму.

Темнота — спокойствие и смирение. Вспышка — над гниющими помидорами выются маленькие мошки. Темнота — и всё вроде бы нормально. Вспышка — на полу кто-то рассыпал муку, и она лежит там горками, словно снега нанесло с улицы.

Аяна, устав мучить выключатель, ушла в ванную, долго тёрла под холодной водой лицо и руки. Стояла, глядя на себя в зеркало, — ей казалось, что внешне ничего не изменилось, будто и не было всего этого: жуткой боли и одиночества, когда девушку разламывало, словно перезрелый арбуз, на две половины... К ней в больницу ни разу никто не пришёл. Соседкам несли спелые апельсины, сок в пакетах, шоколад.

Аяна лежала, отвернувшись к стенке.

Из зеркала сейчас выглядывала обыкновенная Аяна: первые суровые морщинки, ведь она так мало улыбается, воспалённое, как всегда, лицо. Только вот самой Аяне казалось, что она изменилась, — и изменилась очень сильно. Конечно, воспитывать детвору всегда было непросто. Это тоже накладывало свой отпечаток, но сейчас, пережив страшную боль, Аяна ждала встречи с собой, как с незнакомкой.

Но нет, всё как прежде. Только потухший взгляд отражается в заляпанном зеркале.

Закричав, Аяна ударила кулаками о стекло — боль лизнула костяшки, и всё... Не вылилась застывшая изнутри горечь. Не прорезали прыщавый лоб толстые морщины. Не пробежала по чёрным волосам седина...

Аяна стянула с волос резинку, позволила им водопадом рухнуть на плечи. Тяжёлые, сияющие, гладкие. Её гордость. Порой Аяна думала, что именно на волосы Пашка и клюнул, — она была красива только этими волосами. Благодаря им всё и случилось.

— Дура, — простонала горько Аяна. — Уже тебе и волосы виноваты...

Она сходила за ножницами — Петька, сунув в рот большой палец, спал на засаленном матрасике. За время, что Аяна лежала в больнице, соседка Тамара Васильевна целыми днями нянчила мальчишку у себя в квартире, и, кажется, он даже стал щекастее.

Аяна вернулась в ванную, стянула волосы рукой и, не примеряясь, отрезала. Тяжёлый хвост остался в ладони. Она сунула волосы в мусорное ведро, растрепала причёску и снова глянула на себя в зеркало.

Волосы торчали в разные стороны, но впервые Аяна заметила в себе что-то другое. Она убила своего ребёнка, но в ней не было и капли сожаления — может, Аяна понимала, что в этом клоповнике ему не будет никакой жизни. А может...

Было больно — боль гудела в теле, но это нормально, сказали, что скоро пройдёт. И Аяна терпела. Сейчас эта боль была самым страшным, что осталось девушке на память.

Она вернулась в детскую, посидела на диване, разминая икры Илье — тот ворчал тихонько с наслаждением, пока она разгоняла кровь по его скрюченным ногам. За окном повалил снег, крупные хлопья беззаботно кружились в тишине. Никакого ветра, только спокойствие и прощание зимы.

Закряхтел, проснувшись, Петька — Аяна пошла на кухню, разбавила смесь тёплой водой, потрогала пальцами кашу. Вернулась, уже в коридоре услышав, как ревёт Петька.

— Аяна! Покорми малого, — крикнула из своей комнаты мать, язык её заплетался. Аяна вздрогнула: она и не ожидала, что, кроме мальчишек, ещё кто-то остался в квартире.

Мать. Она, наверное, даже не заметила, что Аяны не было столько времени. А ведь мать почти стала бабушкой...

Аяна бережно взяла младшего братика на руки — обычно она зажимала его одной рукой, как тряпичную куклу, набрасывала на плечо полотенцем, хватала, как придётся. В ней не было благоговения к этому крошечному и хрупкому человечку, она относилась к его жизни философски — если ему суждено выдержать

первые годы в этой квартире, то он вырастет сильным, а нет... На нет и суда нет.

Ей запретили поднимать тяжесть: «Аяна, ты же не хочешь проблем со здоровьем, поберегись». Петька, худой и крошечный, оказался огромным, и Аяна охнула, когда внутри всё вспыхнуло горячей болью. Подождала, не двигаясь. Боль утихла.

Аяна не знала, что через пару дней у неё снова откроется кровотечение, что она долго ещё будет пить какие-то горькие травы, а врач примется качать головой и выписывать длинные рецепты с таблетками, которые Аяна всё равно не купит — денег не было даже на прокладки, не говоря уже о дорогих лекарствах. Ей ещё предстояло помучиться за собственную глупость, но это всё будет потом.

Сейчас же, не включая света, Аяна взяла Петьку на руки, нежно и аккуратно. Устроила маленькую бугристую голову на сгибе локтя, прижала мальчика к груди, сунула к его губам бутылочку... Сонный Петька отыскал соску и зачмокал, вцепившись ручками в Аяну. Она покачивала его и, сама того не заметив, напевала что-то едва слышно.

На Аяну он был совсем не похож — густые рыжие волосы, серые глаза, пухлые губы... Он никак не мог быть её сыном. Но сейчас, держа ребёнка на руках, она не могла отделаться от этой мысли.

Подойдя к окну, Аяна замерла, глядя на падающий снег. Тихонько стала напевать нежную колыбельную, посвящённую только Петьке. Петру Васильевичу, если говорить точнее. Обычно Аяна не пела — мычала порой что-то или вопила, прося заткнуться, качала брата так сильно, что голова болталась в разные стороны... Но не пела.

А сейчас тянула колыбельную, глядела ему прямо в глаза. Петька жмурился от удовольствия, наслаждаясь безвкусной кашей, и лишь изредка напаривал бледное лицо сестры. Через год или два он и не вспомнит, кто выкармливал его ночами, кто укачивал и носил гулять, пока мать была в запое.

Но Аяна делала всё это не ради благодарности.

А от безысходности.

Сын. Поставив бутылочку в сторону, Аяна прижала его к груди, зарылась носом в рыжие волосы, вдохнула запах. Её собственный сын — маленькие ручки, крошечные пальцы, сердечко, бьющееся быстро и громко, его слышно, когда прижимаешь ребёнка к себе. Ресницы щекочут шею.

Её ребёнок.

Отстранив Петю от себя и держа его на вытянутых руках, Аяна глядела на мальчика влажными глазами и молчала. Нет, это не её сын. Она ухаживает за ним, она заботится, но это не её сын. Не её. НЕ ЕЁ!

Что-то почувствовав, Петька скривил губы в капризной гримасе — секунда, и он зайдётся

плачем, заревёт во весь голос, и ей снова придётся его укачивать, баюкать... Аяна воровато прижала мальчика к груди. Брата, всего лишь брата, и никак иначе.

Брата. У Аяны детей нет и не предвидится в скором будущем. Ей нужно окончить школу, поступить в колледж, думать о самостоятельности... Рановато для сыновей. Как-нибудь потом.

За окном медленно оседал на землю пушистый снег.

Хрустнул ключ в замочной скважине, входная дверь распахнулась, принося затхлость и запах чьего-то ужина из подъезда. Захлопнулась с грохотом — Лидка отряхнула сапоги и сняла верхнюю одежду, прислушиваясь. В квартире царила удушливая тишина.

Скользнув в детскую, Лидка вздрогнула — Аяна неподвижно замерла у окна, прижимая к себе засыпающего Петьку. Пахло кашей, растворимой, комковатой и невкусной. Смеси давали в соцзащите, порой Лидка и сама пробовала её есть, присаливая, но от смеси внутри поселялась только тошнота, а вот голод никуда не уходил.

Лидка остановилась в дверном проёме.

Аяна ничего не говорила, только покачивала Петьку на руках. Коротко остриженные волосы топорщились, и в каждом девичьем движении было что-то трепетное и заботливое. Не такое, как раньше.

Лидка несмело подошла к окну, остановилась рядом — оказалась на глаза сестре. Она

повздорила сегодня с математической, но не боялась нагоняя от Аяны — лицо у той было бледным, исхудалым и чужим.

— Я пришла, — тихо сказала Лидка.

— Вижу, — отозвалась Аяна, переводя взгляд на братика, который уснул на её руках.

— Подстриглась? — спросила младшая сестра. — Тебе идёт. Красиво...

— Спасибо.

Слова висели между ними, как комья несвежего снега.

— Тебя выписали? Теперь всё хорошо?

— Да.

— Понятно.

Снова молчание — тяжёлое, удушливое. Дёрнувшись, Лидка внезапно обхватила Аяну за талию, прижалась к старшей сестре, зажмурив глаза. В их семье нежности не одобрялись, и теперь Лидка сжалась, боясь, что Аяна её отпихнёт, спросит что-нибудь грубо и глумливо...

Но Аяна свободной рукой лишь обняла Лидку за плечи. Ей это, быть может, и требовалось — просто человеческое тепло. Да и самой Лидке это нужно было не меньше.

За окном парил в чернильной ночи снег, в бликах фонарей снежинки казались огромными белёсыми мухами. Холод проникал через старые рамы и вился по комнате. Аяна стояла, одной рукой держа маленького Петьку, а второй рукой обнимала младшую сестру.

ГЛАВА 5

Лидка

Весна рухнула на улицы буквально за один день: солнцем выжгла последние серые сугробы, мигом взрастила куцую травку под окнами выцветшей пятиэтажки.

Апрель. В воздухе пахнет по-особенному, сладко и тепло. Цыплячьи головки первых одуванчиков пробиваются сквозь асфальт, а на деревьях разворачиваются клейкие листочки.

Тёплый день. Сухо.

Значит, сегодня.

Лидка забилась под подушку и подумала, что скорее умрёт, чем выползет из-под простыни и пойдёт в школу. Она давно проснулась в липком поту, но ещё лежала, омываемая холодным сквозняком, притворялась спящей.

Умчался взъерошенный Сашенька, хмурый и безрадостный, — светлые волосы встопорщены, бесцветные глаза таят угрозу. Лидка боялась старшего брата, старалась с Саньком вообще не общаться и даже не встречаться в одной комнате.

Ушла и Аяна — распустила короткие волосы и выбелила щёки. Она унесла маленького Петьку соседке, потому что пьяная мать спала на полу и лишь мычала что-то невразумительное. Тамаре Васильевне, воспитавшей уже целое поколение детей из этой квартиры, было не привыкать.

Перед тем как убежать из дома, Аяна сдёрнула с Лидки простыню и толкнула сестру ногой:

— Вставай. Проспишь.

— Сейчас, — буркнула Лидка, зарываясь лицом в подушку. На душе у Лидки было паршиво.

— Быстро! — рубанула Аяна, проверила сигареты и умчалась. К очередному ухажёру, наверное.

Лидка сестре отчаянно завидовала. Ей тоже хотелось ночных прогулок по городу, жарких поцелуев в подъезде (она застучала сестру однажды на ступеньках, покрасневшую и отпрянувшую от Пашки, который тогда ещё был её парнем). Хотя после той истории с больницей Лидка завидовала уже не так сильно. Аяна никогда о личном не рассказывала, просто как-то разом стала больше времени проводить дома. Исчез из их жизни Пашка.

А Лидка всё мечтала о настоящей любви.

Но надо было идти на физкультуру.

Физкультура... Не выдержав страха, что придавливал бетонной плитой, вжимая в желтоватый матрас, Лидка вскочила, растрёпанная и злая. Потёрла ноющие бока, вдохнула и выдохнула, собираясь с силами.

Илья лежал на диване, скосив на сестру пустые глаза.

— Везёт тебе, — обречённо сказала она. — Лежишь себе, никто... А, к чёрту.

Сквозь занавески пробивались солнечные лучи — после долгой

зимы руки сами к ним тянулись, ловя весеннее тепло. Лидка размяла шею, постояла нерешительно, надеясь, что ещё не поздно...

Первая физкультура на улице в этом году. Она всегда самая... Самая.

Лидка хлопнула себя по щеке — злобно хлопнула, сильно. Кожу обожгло. Тряпка. Трусиха. Она не ходила на физкультуру уже несколько недель — боялась этого дня, урока на свежем воздухе, трусливо забивалась в переход у бассейна.

Пару дней назад Лидку поймала учительница по физкультуре — прижала к стенке, схватив за руку, и зашипела, что притащит мать в школу, выговорит всё Аяне, и та задаст Лидке трёпку. Что она, Лидка, останется не аттестованной за четверть и присоединится к своему брату Саньке.

Сравнение с Санькой напугало больше всего, и Лидка, забитая и смущённая, пообещала, что придёт. Правда придёт.

Нарушить обещание она могла без труда — на самом деле, это было даже слишком просто. Но завтра физкультура у Аяны, а это значит... Значит, что будет больно, а потом Лидка примется скрывать чёрные синяки.

Надо идти.

Зеркало бесстрастно отражало Лидку во всей красе — она, стянув растянутую ночную рубашку, смотрела на себя почти с отвращением. Курдюк бледного живота, свисающий, будто пустой мешок; торчащие валики жира на боках

и дряблые руки, смахивающие на желе... Безобразные полные щёки. Стоит наклониться, и сразу появятся мерзкие подбородки. Ноги, больше напоминающие слоновьи...

Лидка схватила с тумбочки Аянины духи и хотела швырнуть ими прямо в зеркало, где застыл этот мерзкий бегемот, уже почти видя, как сыплются вниз блестящие осколки, как они лежат повсюду, острые и кривые... Потом подумала, что скажет Аяна о разбитом зеркале.

И как выпорет за духи.

Лидка осторожно поставила флакончик обратно. Отвернулась, не желая больше смотреть на себя.

Застиранная футболка, пахнущая потом, с трудом налезла на тело. Треники — новые, подаренные вместе с портфелем к первому сентября в центре социальной защиты. Ради них Лидке пришлось долго стоять, улыбаясь через силу, пока какие-то важные тётеньки и депутаты долго говорили в микрофон красивые слова, а потом сели в свои лаковые блестящие машины и умчались прочь из бедной и страшной Лидкиной жизни. Зато ранец симпатичный — светло-серый, почти серебристый. И штаны нормальные.

А вот кроссовки были старые, Сашкины, с протёртой подошвой.

В пакете лежала мягкая школьная форма, а на душе у Лидки лежал тяжёлый груз. Зимой хорошо. Можно натянуть кучу свитеров, утеплённые брюки, в

которых почти и не видно, какая Лидка жирная.

Весной хуже. Летом совсем кошмар...

Пытаясь отвлечься, Лидка зачесала невымытые волосы, завязала их хвостом и пошла на кухню, чтобы найти хоть немного съестного. В животе урчало.

На кухне опять пусто. Нет, какая-то еда там определённо была — присохшие к тарелкам очистки от маринованных помидоров, тухнувший рыбный скелет, немного заплесневелого хлеба, прилипшая к кастрюльке окаменевшая гречка... Лидка заварила себе чая и принялась торопливо хлебать кипяток, пытаясь обмануть пустой желудок. После второго урока будет бесплатный завтрак, надо дотянуть хотя бы до этого времени.

На столе в нежных солнечных лучах переливалась недопитая бутылка водки. Мама всхрипнула в большой комнате.

Проклятая водка. Лидка помнила те дни, когда мама была нормальной — завязывала ей бантики перед школой, кормила невкусной кашей... Лидка сейчас с удовольствием поела бы даже перловки.

Да что там, Лидка сейчас просто с удовольствием поела бы. Чего угодно.

Раньше мама часто обнималась, прижимала к себе детей, щекотала их и рассказывала сказки. Теперь мама только орёт в те редкие дни, когда денег на выпивку не хватает. Все выплаты, все

те редкие деньги, что появлялись, мать мигом трагично на закуску и водку.

А сегодня и закуски не было.

Поддавшись порыву, Лидка схватила бутылку за горлышко и ринулась к раковине, заваленной жирной посудой. Опрокинула жидкость туда, в засохшие куски пиццы и гниющую похлёбку. Бутылка забулькала утробно, исторгая из себя водку, будто её рвало спиртом.

Лидка трясла бутылку, раскрасневшись, и чувствовала, будто вместе с этой водкой из её груди выходят и страх, и отчаяние, и боль. Чавкая, сливное отверстие жадно пило, захлёбывалось.

Удар был настолько сильным, что Лидка отлетела в сторону, ударилась о стенку, выложенную посеребрившим кафелем, вскрикнула от неожиданности и осела на липкий пол, защищая голову руками. Бутылка выскользнула, и её мигом поймали дрожащие руки — сморщенные, с торчащими синими узлами вен. Схватили бережно, прижали к груди.

Лидка заплакала, глядя на маму снизу вверх.

— Дрянь такая! — рявкнула мать, крепко держа в руках водку. — Не смей трогать моё!

Щеки у матери опухли, глаз почти не было видно в раздувшихся веках, а нос набряк сливой. Отёкшая и несвежая, она совсем не походила на настоящую маму. Лидка всхлипнула, съжившись на полу:

— Мам...

— Мама, мама! Ничего без меня... Господи, зачем я вас столько нарожала?! — отвернувшись, мать ушла. Водку унесла с собой.

Лидка осталась на полу. Щека ныла.

Улицу залило апрельским солнцем, высветило переполненный стадион у низенькой школы. Лидка, бросив в раздевалке ранец и пакет с формой, сразу же пошла на улицу, крепко обхватив себя руками и ёжась то ли от прохладного ветерка, то ли от колкого страха. Щека уже не болела, лишь на коже алел едва заметный след.

На стадионе всюду шла разминка — самые бесстрашные и наглые одноклассники курили, усевшись на выгоревшие автомобильные шины. Кто-то нарезал круги, разминая застоявшиеся за зиму мышцы. Девчонки жались стайками и хихикали, стреляя глазами по сторонам.

Лидка ушла подальше, теребя замок на олимпийке. Одинокая толстая девчонка. Привычная роль. Но сегодняшний день уже начался скверно, а сейчас ещё надо будет бегать по асфальтированной дорожке... Значит, будут и насмешки, и издевательства.

Подруги, единственной Лидкиной подруги нигде не было. Лидка не удивлялась — Лера придёт сразу после звонка, когда весь класс начнёт строиться. Ей только бы не стоять рядом с Лидкой на людях.

Лидка прекрасно это знала, но выбора у неё всё равно не было.

У школы оказалась учительница, придерживающая на груди свисток с секундомером. Значит, сегодня они будут бегать. Внутри у Лидки всё оборвалось — она знала, конечно, но так надеялась... Следом за учительницей вышагивала Лерка — тоже ожидаемо.

Построение. Быстрая разминка. Бег.

Побежали.

Лидка стартовала вместе со всеми.

— Привет, — бросила Лере, догоняя, расплылась в улыбке.

— Привет, — тихо отозвалась Лера. Лучшая подруга, вернее, единственная, кто с Лидкой вообще пытался общаться. Дружить.

Толпа шестиклассников, похожая на стадо мамонтов, неслась по стадиону, поднимая в воздух пыль. Мальчишки в футбольных шортах сразу вырвались далеко вперёд и бежали теперь там с выражением скромной гордости на лицах. Девчата бежали медленно и больше болтали.

Ничего не изменилось. Только Лидка, сразу побагровевшая, рвано дышала носом и надеялась пробежать хотя бы круг.

— Слониха, — фыркнул кто-то из одноклассников, пробегая мимо. Лидка не стала поднимать глаза: привычное оскорбление отпрыгнуло от её толстой туши, не задев.

Вдох, выдох. Резкая колющая боль в правом боку, но Лидка

бежит, скорчившись. Лера уже убежала вперёд — примкнула к какому-то девичьему кружку и держит ритм, двигаясь с ними вместе, перебрасывается редкими фразами.

Лидка снова одна. Даже неповоротливый и добродушный толстяк Женя вырвался вперёд и бежит там, пыхтя и шипя, словно паровоз.

Лидка последняя.

Она сдалась на первом же круге — едва дотянула до учительницы и присела на корточки, дыша с трудом и хрипом. Спустя считанные мгновения должны были появиться спортсмены, одолевшие уже второй круг.

— Это всё? — насмешливо спросила учительница, и Лидка подняла на неё глаза.

Кивнула стыдливо.

— Слабенько... — отозвалась учительница. — Очень слабенько. Не сиди, встань и походи лучше. Нельзя сидеть.

— О, жируха уже лежит! — бодро поприветствовали спортсмены, пробегая мимо. Вместе с ними бежал Максим, невысокий и ловкий, с пронизательными светлыми глазами. Он скользнул по Лидке равнодушным взглядом и умчался прочь.

Лидке Максим очень нравился. Можно сказать, что она даже любила его.

— Жируха! Жируха! — принялись скандировать спортсмены, а вместе с ними заорали и другие одноклассники с разных концов стадиона. Крик, ударяющий в

окна соседних домов, свинтился Лидке в голову, и она зажмурилась.

— ЖИРУХА! — орали они так, словно хотели сорвать голос в этом припадке бешеной ненависти. Кричали, приправляя всё хохотом, визгливые девчонки.

— Хватит глотки драть! — крикнула учительница физкультуры и дунула в свисток. Протяжный свист оборвал жуткие вопли. — Бежим, бежим!!!

Лидка села на траву, вытянула ноги, глядя прямо перед собой. Щёки у неё дрожали. Ей казалось, что самое страшное уже позади.

Но это было не так.

— Ну, шестой «Б», — произнесла учительница, когда все они, раскрасневшиеся и тяжело дышащие, столпились вокруг неё. — Как я вижу, бегаеете вы крайне плохо. И чтобы проверить, осталось ли в вас хоть что-то после зимней спячки, сейчас сдаём пробный норматив. Тридцать метров, не войте! Уходим на старт и строимся парами.

Они мигом разбились на парочки, схватили друг друга за локотки, постанывая и не желая сдавать никаких нормативов. К Лидке подошла Лера, улыбнулась немного нервно:

— Ты как? Нормально?

— Да, — в ответ ей улыбнулась Лидка от уха до уха и вцепилась в протянутую Лерину руку, поднимаясь. — Побежишь вместе со мной?

— Да.

Лидка наконец-то ощутила весеннее тепло и подставила лицо солнечным лучам.

Освобождённая от физкультуры Малика сидела вдалеке рядом с учительницей, держала на коленях потрёпанный журнал с нормативами, заносила туда кривые цифры. Ревел свисток, и тут же со всех ног срывались пары, бежали изо всех сил. Ребята достигали финиша, прыгали в последней надежде победить.

Пять секунд, шесть, семь, четыре и девять...

Лидка ждала. Ладони стали мокрыми и холодными.

— Брусова Лидия и Савельева Валерия, готовимся!

Они встали рядом — противницы, которым надо победить, выложиться по полной и заработать свою законную тройку. Силуэт учительницы размывался там, вдалеке — от страха Лидка почти ничего не видела.

Поднятая вверх рука падает вниз, словно гильотина. Лера срывается и убегает вперёд.

Лидка, замешкавшись, бросается следом.

Кровь стучит в ушах, горло перехватывает от рваных хрипов, и Лидка бежит, словно кусок студня, но Лера всё удаляется и удаляется, и догнать её нет никаких сил. Несколько секунд становятся вечностью, в глазах всё двоится, темнеет.

Лидка добегает до финиша.

— Пятнадцать секунд, — звучит приговор, и Лидка стонет себе под нос едва слышно. Все молчат.

А потом взрываются хохотом.

И мир становится чёрным.

...В нос бьёт горечь — острая и едкая. Лидка кашляет, крутит головой, отстраняясь, но запах всё ещё там, у самых ноздрей, ползёт прямо в голову, режет сощуренные глаза.

— Лидка? Ты слышишь меня? — спрашивает взволнованная учительница, вода у девочки под носом ваткой с нашатырём. — Ты слышишь?!

— Слышу, — шепчет Лидка резиновыми губами. Звуки доносятся до неё словно сквозь подушку. Она начинает ощущать спиной колючие камушки, прошлогоднюю сухую траву — Лидку уложили прямо на поле.

— Что ты ела утром, Лидка? — в который раз спрашивает учительница физкультуры. Лидка открывает глаза и видит склонившиеся над ней лица — им интересно, в их нездоровом любопытстве нет и капли сочувствия. Лидка садится, хватаясь за протянутую учительницей руку.

— Чай попила.

— Перед физкультурой?! — охает женщина, и лицо её болезненно вытягивается. — С ума сошла!

— А у них нечего жрать дома, они же бедные! — ябеднически общает кто-то, и шестиклассники снова хохочут.

— Заткнись! — кричит бессильно Лидка, чувствуя, как мир всё ещё кружится перед глазами.

— Живо в столовую, — распоряжается учительница. — Скажи, я попросила. Пусть накормят тебя.

В столовой пусто — первый урок плавно подходит к концу, и по кухне снуют поварахи: стучат половниками об огромные кастрюли, моют столы, расставляют плетёнки с хлебом. Лидка сидит, потная и красная, сгорбившись, и жадно грызёт хлеб. Сладкий чай обжигает губы.

— Всё нормально, — говорит Лера, сгорбленно сидящая рядом. — Это не страшно. Я раз тоже не поела перед кроссом и чуть не упала...

— Да, правда, дома жрать нечего, — злобно отзывается Лидка, кусая хлеб. — Я что сделаю?!

Лера подавленно молчит. Повариха выносит пирожные-корзиночки и расставляет их на прилавке, за окном шумят одноклассники, возвращаются в школу. Лидка с шумом отхлёбывает чай.

На урок технологии они пришли в молчании — сели за одну парту, достали тетради и пеналы, дневники... В стёкла било яркое солнце, но огромные окна, выпускающие внутрь целые реки света, занавесили ярко-розовыми жалюзи, и теперь всё вокруг наливалось багрянцем. Они словно пришли в проявочную лабораторию, где одни эти красные лица, красные руки, красные губы, пляшущие в причудливых гримах...

Всё вокруг казалось злым. Лидка поёжилась.

Девчонки хихикали, бросая взгляды на тихую и сосредоточенную Лидку. Белая блузка

с желтоватыми рукавами плотно обтягивала дряблые руки — Лидка уже давно выросла из этой блузки, но носила её, потому что больше носить было нечего. Что там, даже детская комната до сих пор стояла с голыми стенами, а про грядущий ремонт все успели позабыть.

— Итак, — вместе со звоном начала технологичка, полная женщина с вечно тоскливым взглядом. Раскрыла журнал. — Сегодня мы с вами будем готовить бутерброды... Все принесли продукты?

— Нет! — жалобно выкрикнула Дина Ярышева, сидящая на Лидкином ряду. — Брусова ничего не принесла, опять! У нас нет укропа! Мы и так ей дали самое лёгкое, а она не принесла!

Все мигом оглянулись на Лидку. Той повезло, что из-за ярко-розовых жалюзи не было видно её побагровевших щёк.

— Брусова, встань, — печально предложила технологичка. Лидка поднялась нетвёрдо, чуть качнулась, вцепившись руками в парту. — Почему пришла на урок неподготовленной?

— Потому что у неё мать — алкашка! — зашептала Дина Ярышева, и все захихикали. Лера, уткнувшись взглядом в парту, побледнела.

— Ярышева... — с укором сказала технологичка. — Лида, что ты молчишь? Неужели нельзя было принести укроп?

— Нельзя! — рявкнула Лидка, озлобившись. — Нет у меня денег

на ваш укроп! Что мне, воровать его?! И у мамки денег нет!

В классе повисла тяжёлая тишина. Ярышева победоносно улыбалась.

— Садись, Лида, — тихо произнесла технологичка. — Приготовите без укропа. Девочки тебе помогут.

— Да я... — начала было Ярышева, но технологичка резко оборвала её движением руки:

— Разговор окончен. Итак, бутерброды. Делать их легко, и вы сегодня в этом убедитесь. Мы попробуем с вами сделать необычные бутерброды...

Постепенно они переместились на маленькую кухоньку в лаборантской: перетащили туда стулья, достали тарелки и ножи, вытряхнули из пакетов продукты. Варёная колбаса, яйца, майонез, свежие хрустящие огурчики...

У Лидки аж слюнки потекли, но она села на стул в углу, прислушиваясь и к сонному бормотанию технологички, и к стуку ножей о дощечки, принюхиваясь к аромату колбасы... Розовый свет ронял на лица одноклассниц причудливые тени, шуршали фаргучки и косынки.

Лидка сидела.

Бутерброды нарезали быстро — кривые и большие ломти хлеба, сверху тонкая прослойка майонеза, а на ней резные животные из сыра и колбасы, яичный желток, веточки петрушки и укропа. После готовки, как обычно, приступили к трапезе.

— Лида, идём к нам, — позвала

технологичка. — Будешь оценивать работу девочек.

Звать дважды было не нужно — Лидка подтащила скрипучий стул, стараясь не смотреть на одноклассниц, схватилась за бутерброд, впилась в него зубами...

— Голодранка, — фыркнула Ярышева, сгребая свои бутерброды в тарелку. — Вечно голодная, хоть и жирная уже, как свинья...

Лидка не слушала — зажмурившись, она запихивала колбасу в рот, облизывала грязные пальцы, перепачканные после физкультуры. Девочка едва помнила, когда в последний раз ела колбасу вот так, широкими ломтями, и этот краткий миг счастья стоил и криков на физкультуре, и обморока, и немного бессилия...

Перемена — впереди шестиклассниц ждал ещё один урок технологии, и поэтому они продолжили своё неспешное чаепитие с разговорами. Лидке достался чайный пакетик из запасов учительницы, безвкусный и бледный, зато аж с тремя кубиками сахара.

Казалось, что в кабинете даже стены дрожали, потому что по коридору носилась визгливая малышня. Вот-вот в класс за журналом прибегут Лидкины одноклассники и унесут его в мастерские, где сооружают какие-нибудь бесполезные табуретки. Ребята всегда любили уроки кулинарии у девочек, а это значит, что в класс набьётся голодная толпа мальчишек, жаждущих девчачьих бутербродов с колбасой. Технологичка строго-на-строго запрещала подкармливать

мужскую половину класса, но те всё равно втихомолку набивали рты.

Учительница вышла ненадолго, оставив девочек пить чай. Лидка торопливо ела чужие бутерброды. На неё косились.

— Слышь, Брусова, — неприязненно процедила Дина Ярышева, глядя, как мерзкая толстуха хватается уже третий бутерброд. — Ты вообще-то не готовила даже. Хватит жрать наши бутерброды.

— Отвали! — рявкнула Лидка и глянула исподлобья. — Чё ты пристала ко мне?

— Ты жирная, — буркнула лучшая подружка Дины. — Мерзкая. И воняешь. С тобой рядом даже есть не хочется.

— Ну так не ешь, — процедила Лидка, откладывая бутерброд в сторону. Аянину тактику девочка изучила давно — против оскорблений лучше всего действует кулак или звонкая пощёчина.

— Жирная. И вонючая, — плюнула ей в лицо Ярышева, склонившись вперёд. — Нищенка! Вали к своей алкашке-матери, пусть она нюхает твою вонь.

Лидкин кулак ударил прямо в нос; Ярышева вскрикнула, запрокидывая голову, схватилась рукой за лицо. Девчонки охнули испуганно, глядя на вскочившую Лидку, на побледневшую Ярышеву, которая держалась дрожащими пальцами за нос...

Ярость.

Время будто замедляется. Лежат на столе бутерброды, стынет чай.

— Ну всё, сука, — отчётливо произносит Ярышева, опуская лицо. Нос у неё багровеет и распухает прямо на глазах, но, кажется, он не сломан.

Глаза у Дины чёрные, в них плещется горячая ненависть — она бросается на Лидку первой, врывается в её мощное тело, раздаётся глухой удар. Девчонки верещат в ужасе и забиваются в углы, но глаза у них жадные, цепкие. Лидка воет утробно, не понимая, почему впервые её кулак не сработал, но бьёт Ярышеву в ответ, хлещет по щекам и выдирает волосы, которые прядями остаются в пальцах. Ярышева ударяет снова — слабо, по-девчоночьи, куда ей до сильных пощёчин Аяны. Но Лидке больно, и она звереет от этого: пока Ярышева царапает ей лицо, Лидка бьёт мощно, кулаками, словно кто-то в этой драке должен умереть.

И это будет явно не Лидка.

Ярышева разбивает ей губу — по подбородку течёт горячая кровь, и Лидка плюет этой кровью в противницу. Ярышева орёт так, будто её окатили кипятком, размазывает обжигающий багрянец по лицу и снова царапается покрашенными ногтями.

— Что здесь происходит?! — в кабинет влетает насмерть перепуганная технологичка. За её спиной толпятся шестиклассники, они ржут и тычут пальцами в окровавленное Лидкино лицо.

Она, видя перед собой лишь почерневший мир, бросается зверем на отступившую Ярышеву.

Они падают прямо на стол, погребая под собой бутерброды, вцепляются друг в друга, вереща в иступлении. Девчонки вокруг них визжат уже на ультразвуке, шарахаются в стороны, и на пол сыплются доски, тарелки и ножи, а Лидка лежит на Ярышевой и, схватив её за шею, душит...

— Перестаньте! Хватит! — орёт учительница и цепляется за Лидкины плечи, отгаскивает её от силеннейшей на глазах Ярышевой.

В один миг в классе начинается толкотня — и шестиклассники, и кто-то из старших оттесняют учительницу в сторону и сбрасывают Лидку с Ярышевой. Дина кашляет, задыхаясь, сворачивается клубком на полу. Лидку прижимают к стене и крепко держат, не давая ей и шанса вырваться.

— К директору! Все! Быстро! — кричит технологичка.

Девчонки всё ещё визжат по сторонам.

..Лидка сидит на стуле, сложив руки на коленях, сгорбленная и притихшая. Ярость, выплеснувшаяся на глупую Ярышеву, будто опустошает девочку, и внутри неё остается лишь гулкая пустота.

С лица Лидки смывают кровь, обрабатывают разбитую губу. Директриса ругается и размахивает руками, грозит устроить родительское собрание, вызвать полицию, вышибить всех к чёртовой матери из школы... Ярышева сдавленно рыдает в углу дивана, скулит, как побитая собака. И кашляет, словно ей до сих пор трудно дышать. Актриса.

Богатырский крик директрисы вжимает всех в диван.

Под конец безобразной сцены приходит психолог — светлоглазая и спокойная, она оглядывает всех в кабинете, но подходит почему-то именно к Лидке. На секунду девочке кажется, что это Аяна, но нет — просто знакомо поблёскивает в солнечных лучах чёрный шёлк волос.

А ещё у психолога такие же круглые, как и у Лидки, щёки.

— Пойдём, пожалуйста, со мной, — предлагает она и протягивает ладонь. Лидка идёт следом, словно сомнамбула, едва переставляет ватные ноги. Никто не шепчется за её спиной, все сидят, съживившись, под взглядом директрисы.

Они идут по коридорам — психолог, кажется, её зовут Анной, держит Лидку за руку. У неё крепкое и тёплое рукопожатие, и Лидка цепляется за эту ладонь, словно за спасательный круг.

Да, Лидка жирная и грязная. Да, она очень бедная. Но разве можно к ней так относиться: бить её после школы, плевать ей в тарелку, насмехаться и дразнить?

В кабинете у Анны стены выкрасили в голубой цвет, повсюду расставили мягкие игрушки, разложили на столе цветные карандаши. Психолог закрыла за ними дверь, осторожно погладила Лидку по плечу и, увидев, как та тянется к человеческому теплу, крепко-крепко обняла девочку.

Лидка уткнулась влажным лицом в рубашку Анны, обхватила

женщину дряблыми руками так, как обнимала обычно маму. Задрожала в коконе из чужого тепла.

— Плачь, не бойся, — сказала Анна, глядя Лидку по сальным волосам. В её голосе не было и капли отвращения. — Тебе станет легче, если ты поплачешь. Не держи в себе. А потом мы с тобой поговорим, и я постараюсь помочь. Не бойся...

И Лидка поверила. Цеплялась руками за рубашку, прижималась сильнее и сильнее.

Доверяла.

Домой девочка ушла поздно, когда солнечный свет стал рыжеватым, напитался весенней прохладой. Школа пугала пустотой и мрачностью — безжизненные проёмы окон, гулкие коридоры да сонный охранник на посту. Лидка долго разговаривала с психологом — захлёбывалась словами, пытаясь рассказать всё на свете, всю свою жизнь, видя, что Анне не безразлично. Та сидела, кивая, держала Лидку за пухлую ладонь и внимательно слушала.

Впервые кто-то захотел выслушать то, что было у Лидки на душе. И Лидка распахнула эту душу — грустную и некрасивую, пытаясь доказать, что и она человек, и ей тоже больно. Чувство, что тебя хотят выслушать, было таким потрясающим, что боль в душе мигом поутихла, сдаваясь под напором ласки. Они попрощались, словно подруги, — Анна крепко обняла девочку, пообещав, что не оставит её. Что они переживут вместе и обидные

прозвища, и разбитую губу, и эту бесконечную травлю...

— Я буду рядом, — пообещала Анна. — Если ты захочешь, чтобы я была с тобой.

Они договорились о встречах, даже сделали график и вписали время в красный от двоек Лидкин дневник.

Домой Лидка шла окрылённой — да, разбитая губа ныла, а от долгих разговоров подсыхающая корочка лопалась и сочилась кровью; да, в груди всё ещё лежал тяжёлый камень, спаянный из криков «жирная» и «тварь», но всё-таки дышалось чуть легче. Впервые за долгое время Лидка чувствовала, что ей есть к кому прибежать за советом, что её может кто-то поддержать, что она кому-то небезразлична... Она улыбалась — осторожно и едва заметно, чтобы не потревожить губы.

Они ждали её у подъезда — сидели на той самой сломанной лавке, где полгода назад курила Аяна, пытаясь принять Машкину смерть.

Их было много, человек девять. Они плевали на асфальт, гоготали и тушили бычки о несчастную лавку. В центре сидела Дина Ярышева. Нос у неё всё-таки распух, а правый глаз побагровел от крови.

На секунду Лидка испытала мстительную радость. А потом пришёл страх — их так много, и они явно пришли не поболтать. Явно.

Лидка, выпрямив сутулую спину, решительно направилась

вперёд, глядя прямо на них, пытаясь не показывать своего страха. Глянула в окна первого этажа — там, во тьме кухни, никого не было. Интересно, Аяна вернулась домой? Её тяжёлая рука сейчас бы очень Лидке пригодилась.

Перед девочкой выросла Ярышева — с прищуренными злыми глазами, сморщившая губы от ненависти. Толкнула, словно примеряясь, в плечо, и Лидка пошатнулась, глядя ей прямо в глаза.

— Ты что, жирная, думаешь, тебе за это ничего не будет? — почти ласково спросила Ярышева, сплёвывая в сторону. За её спиной раздались голоса — шестиклассники ржали, разминали руки. Готовились.

Лидка с ужасом увидела спокойного Максима. Он смотрел исподлобья, сунув руки в карманы.

— Тебе мало было? — нахальное спросила Лидка у Ярышевой, кивнув на распухший нос. И направилась домой, обходя Дину полукругом. Та вцепилась ей в руку — ледяные пальцы впились в кожу.

— И куда ты собралась?

— Домой. Лучше отпусти.

— А то что? — глумливо спросила Дина и резко ударила в лицо.

Этот удар уже не был девчоночьим, он был полон гнева и ярости. Конечно, ведь побила Ярышеву какая-то жалкая жируха, над которой они всегда издевались всем классом. Дело чести теперь втоптать её в грязь.

Лидка рухнула, проехав ладонями по щербатому асфальту. Ярышева не дала сопернице и секунды — налетела, молотя ногами, ударяя в лицо и в рыхлый живот, зашласть какими-то судорожными проклятиями.

И тогда на Лидку набросились всей толпой.

Их было слишком много, и каждый хотел ударить побольнее, залепить пяткой в лицо, врезать в живот, большой и пружинящий... Они молчали, не издавая ни звука, только били методично и остервенело.

Очередной удар заставил лицо хрустнуть, по губам потекла чёрная кровь, нос вспыхнул острой болью и тут же потерял чувствительность. Лидка застонала, закрываясь, но они не собирались сдаваться — били изо всех сил, и она вскрикивала от сильной боли, размазывала по лицу кровь, ощущая, что вот-вот внутри порвётся что-то, лопнет с глухим треском, и тогда от Лидки ничего не останется...

— АЯНА! — заорала она изо всех сил, но очередной удар пришёлся в губы. Максим выбил воздух у Лидки из лёгких, и она раскрыла рот, не в силах сделать и вдоха. Только мелькнуло перед глазами лицо того, кого девочка так безнадёжно любила.

Аяны дома не было. Лидка потеряла счёт времени, всё вокруг слилось в сплошную кровавую вспышку — девочка кашляла кровью, дышала кровью, кричала

кровью, но её били и били, били и били...

Писк домофона она даже не услышала.

Из подъезда вылетел Санька — в домашних брюках и материнской футболке, растрёпанный и свирепый. Он не стал церемониться — сразу влетел в толпу, ударил одного в челюсть, другого швырнул на асфальт, пнул какую-то девчонку так, что она рухнула на асфальт, обдирая колени...

Максим от сильного удара потерял сознание и упал, раскинув безвольно руки в стороны. Брат вцепился в волосы Ярышевой и потащил её прочь от Лидки, поволок прямо по подсыхающей грязи, добавляя кулаками...

Остальные бросились врассыпную — кто-то схватил Максима и уволок его прочь. Двор опустел. Ярышева орала с такой силой, будто Санёк с неё скальп снимал, извивалась, как змея.

— Ещё раз тебя тут увижу — убью, — глухо пообещал Санёк, глядя ей прямо в глаза, и Ярышева ни на секунду не усомнилась в том, что он и правда убьёт.

Лидка лежала на асфальте и плакала. Волосы слиплись от чёрной жижи. Тело вспыхивало громовыми разрядами боли.

— Жируха, — гаркнул запыхавшийся Санёк. — Вечно из-за тебя... Домой, ну!

И ушёл. Лидка рыдала. Кровь заливала глаза, руки еле двигались, а выдранные комья волос гнал по асфальту весенний ветерок.

Ну почему?!

...Лидка приползла домой, подволакивая ногу. Ей казалось сейчас, что всё тело превратилось в один лиловый синяк, и Лидка постанывала глухо, не слыша себя, сглатывала солёные слезы. Сил у неё не осталось.

Каждый день. Каждый божий день они издеваются, они травят, они обзывают её... Порой она сомневалась, до сих пор ли её зовут Лидкой, или она давно превратилась только в Жируху, про которую все постоянно говорили. Они её ненавидели — выбрали, как самую слабую, и издевались всем классом. Кто-то вроде Леры молчаливо стоял в стороне, но не вмешивался, не заступался за Лидку. Кто-то вроде Максима бил исподтишка, наслаждаясь её болью.

Больше всего на свете Лидка ненавидела эту школу и этот класс, больше даже, чем пьяную маму. Маму она любила и где-то глубоко в душе верила, что рано или поздно та бросит пить и вернётся к нормальной жизни, к детям, захочет Лидку выслушать или обнять нежно...

Эта отвратительная драка — нет, не драка даже, а избиение — всё-таки переломила Лидкин хребет. Она всегда была слабой и молчаливой, но сегодняшний день окончательно вышиб почву из-под ног. Лидка понимала, что не сможет больше прийти в класс, сесть за свою парту, будто ничего и не было. Они продолжают издеваться. Бить. Смеяться над ней.

Мысли, что кружили роем в голове, болели похлеще избитого тела. Она ведь никому не нужна,

одинокая и отверженная. Дома её бьёт мать, в школе — одноклассники. Иногда Аяна добавляет. Санёк может отвесить пинка, если его что-то разозлит.

Кто она, толстая Лидка? Кукла для битья? Вещь, чтобы на ней все могли свою злость вымещать?

На кухне прибавилось грязной посуды — видимо, Сашка принёс откуда-то еды. Лидка сунула руку в мойку, покопалась там, среди тарелок и вилок, чувствуя, как пальцы покрываются жиром. Нашарила большой нож с широким лезвием, крепко взялась за рукоять и направилась в ванную.

Заперлась на хлипкую щеколду, постояла, прижавшись спиной к двери, вспоминая обезображенные ненавистью лица одноклассников, каждое их слово, что било в самое сердце. В ванной царил полумрак — одинокая запылённая лампочка едва освещала тесную комнату. В эмалированной ванне застыли рыжие потёки. Со стен хлопьями слезала краска — там, в выпцёрбленных трещинах, поселилась плесень.

Лидка открыла горячую воду и села на пол, прижимая нож к груди. Отчаяние, которое должно было спадать понемногу, лишь нарастало.

Ванная заполнялась паром, от которого трудно было дышать, — кипяток шипел и плевался, и Лидка разбавила его холодной водой. В ванне кружились чьи-то волосы, кусочки мусора, отвалившаяся краска...

Лидка глянула в заляпанное зеркало — толстая щека посинела, глаз закрыло чёрное от крови веко, по подбородку ещё текли багровые ручейки... Разве она может вот такая прийти в школу? Показать на глаза Аяне?

Лидка залезла в ванну прямо в одежде — не хотела, чтобы её нашли голой, безобразную и толстую, раздувшуюся... Горячая вода обволакивала тело мягким пузырьём, и Лидке захотелось в нём остаться — нырнуть, затаив дыхание, и уснуть там, на дне морском, где нет отвратительных криков «жируха», где тихо и спокойно. Желтоватая рубашка облепила тело. Лидка ненавидела себя в этот момент так сильно, что ничего не боялась.

Нож дрожал в руке — Лидка прижала его к запястью и надавила, оставив длинный белый след на коже, но крови не было. Смалодушничав, девочка надеялась, что хватит крови из носа и разбитых губ, но потом перед глазами встало лицо Ярышевой, и Лидка резко полоснула по руке...

Боль ударила вспышкой, обожгла кожу — порез мгновенно налился краснотой, и та, чернея на глазах, потекла вниз, в горячую воду. Лидка зашипела и резко дёрнула рукой, окунула её в ванну — порез запульсировал, и Лидка зажмурилась, прикусывая разбитую губу.

Кровь текла рекой, смешивалась с водой из-под крана, становясь бледно-розовой, и Лидка

выронила нож. Тот упал, звякнув протяжно, а девочка закрыла глаза, пытаясь не чувствовать жар на запястье. Понимая, что это всё.

Всё.

В толще воды скользила розоватая дымка, в которой, выставив вверх полные колени, лежало бесформенное Лидкино тело. Девочка будто проваливалась в сон — покалывало щёки, всё плыло и рябило, а пар застилал глаза...

— Лидка! Выметайся из ванны, хватит там сидеть! Мне тоже надо! — крикнула Аяна и снова ударила кулаком в дверь. Старшая сестра недавно вернулась с улицы и теперь хотела попасть в ванную, в которой намертво застряла Лидка.

— Хватит орать! — высунулось из детской злобное лицо Санька. За его спиной отчаянно ревел Петька. — Ей морду начистили, вот она и сидит там больше часа!

— Ей чего? — утробно спросила Аяна.

— Да побили её перед домом. Я им навалял в ответ. Всё как обычно.

— Придурок! — рявкнула Аяна и вновь заколотила в дверь: — Лидка! Лид, открой, пожалуйста! Лидка, блин!

Девочка лежала, прикрыв глаза. Она парила в воздухе, не чувствуя ни рук, ни ног.

Аяна бросилась на кухню, схватила колченогий табурет и забралась на него, заглянула в маленькое окошечко под потолком, которое хоть немного освещало ванную дневным светом. От пыли

почти ничего не было видно, но Аяна всё-таки разглядела мутно белеющий силуэт сестры.

— Лидка! — заорала она, слетая с табуретки, и бросилась к двери, врезалась в неё с разбегу. Дверь хрустнула, но устояла. Аяна билась, как слепая, помня лишь одно.

Ванну, вода в которой потемнела от крови.

— Отойди, — отпихнул сестру Санёк, ударил плечом в дверь, и щеколда отскочила, выворачиваясь. Хруст. Брат влетел в ванную, увидел Лидку и попятился, бледнея лицом.

— Чёрт... Твою мать...

— Лидка! — Аяна бросилась к сестре, схватила её за руки и потянула на себя. По светлой коже потекла густая кровь. Лидка, белая до синевы, лежала в горячем пару с закрытыми глазами. Её разбитое лицо было удивительно спокойным.

— Лидка, Лидочка, боже, что ты... Да помоги же! — вдвоём с Саньком они выволокли отяжелевшую сестру и уложили её на пол, мокрую и перепачканную багровыми потёками. Скривившись, Санёк вышел из ванной и застыл в узком коридорчике.

Аяна с Лидкой остались один на один.

— Господи... Ты слышишь меня? — тормошила сестру Аяна. Схватив полотенце, она зажала им рану, надавила крепко, чтобы остановить кровь. Лидкины руки оставались тёплыми.

— Лидка... — Аяна принялась

целовать её лицо, передавив запястье дрожащими руками. — Боже, да приди ты в себя! Лидка!

— Скорую вызывать? — глухо спросил Санёк из коридора.

— Нет, сейчас... Лидка?

— Отстань, — пробурчала Лидка, к которой толчками возвращалась режущая боль в руке. Мокрое тело обдало сквозняком, и по коже побежали колючие мурашки. — Уйди от меня...

— Ещё чего! Я твоя старшая сестра, и я за тебя в ответе. Если Машку не спасла, то ты... Господи, Лидка, какая же ты дура!

— Ты не понимаешь...

— Нет. Но если ты хотела сдохнуть, то не выйдет. Я не дам. Ты сначала поговори, а потом уже...

Бормоча это, Аяна нашарила на стиральной машинке дешёвую плотную маску от прыщей и наклеила её на рану, сдавив. Сверху намотала полотенце, перетянула, а уже потом, убедившись, что кровь больше не идёт, прижала мокрую Лидкину голову к своей груди и крепко обняла за плечи.

— Лидка, ну что ты творишь... Зачем?

— Отстань... — пробормотала Лидка, и лицо её скривилось в рыданиях. Всё возвращалось: и мутный свет лампочки под потолком, и стены в капельках пара, и боль от синяков, и...

И тёплые руки Аяны, которые гладили, ласкали. Прямо как мамы.

Лидка уткнулась в сестру, горько пахнущую духами, и втянула в себя этот запах, зажмурилась.

...Они сидели, обнявшись, целую вечность. За окнами стемнело, и единственным светом между ними остался полумрак от мутной лампочки. Санёк принёс простыню и молча кинул на пол, не отвесив привычного ругательства. Аяна закуталась вместе с сестрой в эту простыню, которая сразу же наполнилась холодной водой, и поцеловала Лидку в висок.

— Говори. Рассказывай обо всём. Я буду слушать.

И они разговаривали. Аяна больше молчала, уткнувшись носом в затылок сестры, а Лидка шептала и шептала о том, что случилось за этот день. И о физкультуре, где она бегала, как жир на ножках, и как они издевались и хохотали, пока её складки колыхались под тонкой футболкой. И о том, как после проваленного норматива она упала в обморок. Как на технологию пришла без укропа, и они снова издевались. Как ела чужую колбасу и как Дина разбила ей губу. Про заботливую Анну. Про то, как целая стая поджидала её у подъезда...

Лидка всхлипывала и давилась слезами, но говорила. Ей казалось, что она снова очутилась в уютном кабинете психолога — только теперь её в объятиях держала сестра, гладила по голове, убаюкивала...

Рука пульсировала болью, но крови больше не было. Розовая вода в ванной остыла и будто остекленела. Сёстры разговаривали.

— И что? Ты только из-за этого решила... вот так? — под конец

тихо спросила Аяна, обесценив всю Лидкину боль. Девочка при- тихла.

— Да... Вообще-то это больно.

— Я знаю.

— Ни черта ты не знаешь! — вспыхнула Лидка. — Ты ничего не знаешь, даже когда хочешь ка- заться самой взрослой и самой по- нимающей! Ты же у нас прекрас- ная Аяна, которая кормит Петьку и подтирает за Ильёй! Красавица, восточная красавица, как мама го- ворит. У тебя такие волосы, даже короткие, что мне завидно, пото- му что ты худая, ты везучая...

— Глупыха, — нежно сказала Аяна, покрепче обхватывая се- стру руками. — Ты не в курсе, что меня всю жизнь травят в школе? Я всегда изгой и одиночка.

— Не ври, — фыркнула Лидка.

— Я не поверю.

— Посмотри на меня, — Аяна приподнялась, зачерпнула гряз- ной воды из ванны и провела мокрой ладонью по лицу, стирая бледную восковую маску. Прыщи заалели в тусклом свете. — По- смотри, посмотри. Ты видишь моё лицо?

— Какие-то жалкие прыщики. Это не жирные бока, руки или щёки, которые нельзя спрятать.

— Зря ты так. Я всю жизнь, с самого детства борюсь с этими прыщами. Я ходила в больницу, я тратила все жалкие заработан- ные деньги на кремы и маски, я постоянно по утрам рисую себе новое лицо. Я боюсь выйти из дома без этой маски. Ненавижу себя. Я уродливая.

— Ты красивая! — восклик- нула Лидка, отстраняясь. Она всегда считала Аяну чем-то вроде злого божества — сурового, вели- чественного и сильного. А теперь Аяна сидела, сгорбившись, с по- тёкшей тушью и бугристыми ще- ками, улыбалась грустно. — Нет, серьёзно! Ты очень красивая. У тебя волосы, у тебя скулы, а гла- за... Наша русичка говорила, что такие глаза называют «с поволо- кой» и «миндалевидные», — ви- дишь, я даже запомнила...

— Я воспринимаю себя уроди- ной, как и ты. Я одна. Пашка во- обще пропал после аборта... Зна- ешь, классе в пятом или шестом я целый год сидела одна за партой. Одноклассники говорили, что я заразная, и даже не здоровались.

— Год?

— Да. Я никому не рассказыва- ла. Но знала бы ты, как мне было больно и страшно всегда и везде быть одной... Меня до сих пор зо- вут Прыщом. И били, и бойкоты устраивали. Почему, ты думаешь, у меня до сих пор нет подруг?

— Ты обманываешь. Этого не может быть.

— Да, дома я совсем другая Аяна, — она осторожно погладила Лидку по щеке. — Сильная и сме- лая, потому что вас должен кто-то защищать. Но там... Эта печать — многодетные и бедные — будет на нас, пока мы не уедем отсюда. Но знаешь, что у нас есть?

— Что?

— Мы. Мы бедные, мы убогие и страшные, но нас много. Мы братья и сёстры. Мы должны

друг другу помогать, хоть иногда и не хочется, и лень. Иначе мы вот так и закончим, — она ткнула длинным пальцем в лежащий на полу нож. — Машка... Машка уже прыгнула под поезд. Я не углядела. Но я не хочу, чтобы за ней последовала и ты. Лид, ты сильнее, чем она, ты очень сильная. Сейчас тяжело и больно. Но будет проще.

Аяна встала, помогла сестре подняться и подвела её к зеркалу, провела ладонью, стирая со стекла мутные капли. На Лидку глянуло разбитое и распухшее лицо.

— Да уж, красавица ты моя, — хохотнула Аяна, обнимая Лидку за плечи. — Но посмотри, какие у тебя замечательные зелёные глаза.

— Глаз, — с кривой усмешкой поправила Лидка.

— Ну, пока что да. Но посмотри! Улыбнись. Видишь, какая улыбка?

— Обычная улыбка.

— Замечательная улыбка. В тебе много красоты, Лид, только ты её не видишь. С лишним весом можно бороться — будем бегать на стадионе, питаться там правильно, я не знаю... Это можно пережить. Я буду с тобой, хорошо? Подходи. Говори. Хочешь, я принесу тебе голову этой Дины?

— Тогда тебя точно посадят, — ухмыльнулась Лидка, прижимая руку к губам, чтобы они не треснули. — А мы думали, что первым будет Сашка.

— Я серьёзно. Набью им морды, запугаю их до смерти, что хочешь сделаю... Только не думай, что это стоит твоей жизни.

— Спасибо, — прошептала вдруг Лидка и крепко сжала руку сестры. — Спасибо тебе.

Аяна уложила Лидку на диван в детской, укрыла материнской тёплой простыней и ушла на кухню. Лидка натянула простыню на лицо и втянула в себя знакомый запах. Перегар, пот и, совсем немножко, самую капельку, мамин аромат. Мама... Как же её не хватает.

Из кухни Аяна принесла тяжёлые ножницы и початую бутылку водки (и когда они успевают там появляться?), отыскала где-то сухой и сморщенный пластырь, желтоватый бинт. Сняла мокрое полотенце, смочила присохшую маску, потянула на себя...

Рана зияла, словно распахнутая пасть. Кровь запеклась по краям.

— Может, всё-таки скорую? Пусть зашьют. Шрам же останется.

— Не надо. Пусть остаётся, — Лидка дёрнула руку на себя. — Живёт.

— До свадьбы, — буркнула Аяна, поливая порез водкой. Лидка вскрикнула и зашипела от боли.

— Терпи. Руки резать не страшно, а теперь больно ей! Терпи, сказала.

Запястье заклеили, замотали бинтом. Лидка, бледная, с синеватыми губами, свернулась на диване калачиком. Аяна заварила ей сладкого чая и села рядом, гладила по волосам. Рассказывала о своих страхах, впервые не боясь показаться слабой для малышни.

А Лидка смотрела снизу вверх, прихлёбывала чай и не понимала, куда делась та свирепая Аяна, которая пинками сгоняла утром с матраса, которая хлестала дневником за двойки и грозилась прибить за очередную заваленную контрольную. Теперь сестра казалась маленькой и несчастной девочкой, которую тоже ненавидели, били и обзывали.

Прямо как Лидку.

Вернулся с улицы Санёк — зашёл в комнату прямо в кроссовках, остановился у двери.

— На, — буркнул он и кинул чем-то в Лидку. — И больше не страдай фигнёй.

Лидка подняла вещицу слабыми руками. Шоколадка, маленькая шоколадка в шуршащей обёртке, с орешками и карамелью. Любимая.

— Я надеюсь, ты её не украл? — крикнула Аяна сурово, но глаза у неё потептели.

— Спасибо! — сказала Лидка, прижимая шоколадку к груди.

Хлопнула дверь. Сашка ушёл на улицу.

Аяна обняла Лидку и прошептала ей на ухо:

— Всё будет хорошо. Вот увидишь.

ГЛАВА 6

Дети

Обычный вечер — за окном черным-черно от наползающей ночи, а в детской мерцает рыжий электрический свет. Уже поздно, и все обитатели дома собрались в этой неудобной комнате.

Мать давно спит. Запах алкоголя и застарелых вещей из её комнаты невозможно выгнать никакой химией, и Аяна, сморщившись, лишь крепко закрывает дверь. Она не знает, что в комнате сидит Лидка, упираясь локтями в мамин диван.

Дети привыкли, что мама или пьёт, или уходит на несколько дней из дома, или спит. Спит — самое любимое время. В такие моменты Лидка прошмыгивала в комнату к похрапывающей матери и присаживалась рядом.

Мать сильно сдала за последние годы — худая и неопрятная, с раздутым багровым лицом... Но всё равно Лидка любила эту тьму и эту тишину, когда можно было дотронуться до морщинистых рук, провести пальцами по щеке...

Как раньше, когда Лидка была маленькой и ходила с мамой за руку. Мама покупала воздушные шарики и мороженое, Санёк учился кататься на скейте, а Лидка играла в классики, пока мать болтала с подругами.

Конечно, всё началось давно. Но раньше мама хоть пыталась — пока в очередной раз была беременной, пока воспитывала малышню, пока ходила на работу в магазин... Пока пила понемногу, ночью, на кухне.

Теперь всё было по-другому.

Вот и сегодня мать спала. Аяна покричала немного на Лидку из-за очередной двойки по математике, чтобы сестра не расслаблялась. После того вечера в ванной их отношения стали

гораздо теплее, но спуску Аяна никому не собиралась давать. Поспорила с Саньком, который допоздна шатался на улице, а однажды пришёл с рассечённой бровью и молчал, насупившись, когда его спрашивали, что случилось.

Петька ползал по полу, собирая на несвежие ползунки грязь и мусор. Илья спал, прижав к груди скрюченные руки. Лидка, вернувшись из комнаты, сидела за столом и записывала что-то в блестящий дневник с крепким замочком. Девичьи тайны, первая любовь, боль от очередной драки. Максим почти исчез со страниц этого дневника.

— Большая стирка, — в итоге хмуро объявила Аяна, пнув с дивана ворчащего Сашку, и стянула постельное бельё, которое постирать надо было ещё несколько месяцев назад. — Тащите вещи.

— У меня всё чистое, — отозвалась Лидка.

— Отвали, — не стал юлить Санёк.

Петька, наткнувшись на бледные ноги Аяны, заплакал, царапая кожу отросшими ноготками.

Это стало последней каплей. Швырнув постельное бельё на пол, Аяна, уперев руки в бока, грязно выругалась и заорала во всю мочь:

— Свины! Хотите жить в дерьме, так и живите! Достали уже!

— Заткнись, — фыркнул Санёк и вновь упал на голый засаленный диван. — Нам и так нормально. Хватит нас учить.

— Пошёл ты!

Аяна ушла на кухню, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка. Петька остался на полу, заходясь криком, — чуб его отросших волос падал на глаза, и мальчик оттягивал его ручками, выгибался и вопил.

Аяне и правда всё это надоело — бесконечные драки, разборки, крики и скандалы, визиты участкового и грустной женщины из соцзащиты, которая качала головой и цокала языком, а потом уходила, и ничего не менялось. Двойки, угрозы выгнать из школы, оставить на второй год, прибить...

Чумазые щёки. Грязная одежда. Липкие полы.

Одна Аяна ничего не могла с этим сделать.

На кухню заглядывал хмурый свет фонаря сквозь окна, освещал кусок стола и засаленные обои. Живописные горы посуды мутно белели в полумраке. Пакет с картошкой, который поставили давным-давно на обеденный стол, казалось, врос в дерево.

Так он и стоял там, катафалк с мечтами Аяны.

Она взяла мамины сигареты с подоконника, щёлкнула зажигалкой. Зазмеился под самый потолок слабый белёсый дым, тлеющий кончик едва освещал худое лицо.

Аяна прислонилась лбом к прохладному стеклу и закрыла глаза.

Как ей всё это надоело.

Они будто попали в капкан, в петлю, и теперь бегут по ней который месяц, не думая останавливаться. Одно и то же каждый день — сплошная ненависть. Затягивающийся шрам на Лидкином запястье почти зажил, и теперь она, задумавшись, царапала его ногтями. Шрам на душе у Аяны рос день ото дня. Иногда старшая сестра со стыдом думала, что, быть может, зря выволокла тогда Лидку из ванны... Зря ей помещала.

Бедность. Голод. Грязь.

Стыдно так жить. Не хочется...

Запищал домофон, там, на улице — какой-то нетрезвый мужчина с трудом распахнул дверь и ввалился в подъезд. Аяна прижалась носом к окну, чтобы разглядеть широкие плечи и сторбленную спину. Очередной мамин ухажёр?

Дверь с лязганьем захлопнулась. По улице пробежала женщина с пакетами — цокали тонкие каблучки, шелестел подол плаща. Аяна представила на секунду, куда спешит эта незнакомка, — в сумке у неё морковь и свёкла, она придёт домой с работы, поцелует дочь (которая почему-то до жути похожа на маленькую Аянку), приготовит наваристый борщ на говяжьей кости, проверит уроки... У неё дома тепло и чисто, пахнет вчерашними пирожками, и жизнь у них — ну чисто сказка, пока...

В дверь постучали. Торопливо и почти вежливо побарабанили костяшками по металлу.

Аяна потушила сигарету об оконную раму. Там, на сероватой краске, остался чёрный ожог. Девушка прижала к этому ожогу указательный палец, надеясь ощутить задержавшееся тепло.

Ожог уже остыл. В дверь снова постучали, уже нетерпеливо, и Аяна поморщилась. Мать в своей комнате всхрапнула как-то уж совсем утробно.

Петька голосил за дверью — кажется, у Аяны появилась аллергия на этот крик, постоянный, требовательный и... одинокий. Об одиночестве маленького Петьки, запертого целыми днями в четырёх стенах, думать не хотелось — вместе с табачным дымом из лёгких вышло немного злости, но отчаяние ещё плескалось в Аяне, не давая ей вдохнуть.

В коридоре, заваленном обувью, куртками и банками из-под варенья, которое раньше приносила сердобольная соседка, Аяна прошмыгнула к двери, не включая свет. В темноте нащупала дверную ручку, приникла к глазку...

Мамины собутыльники приглашения никогда не ждали — они вваливались в квартиру, распахивая гостеприимно открытые двери, иногда приносили с собой водку, иногда просто приходили, нетрезво и хмуро улыбающиеся, какие-то картонные, ненастоящие... Едва услышав очередного

мужика, Аяна пряталась в детской, брала на руки Петьку и прижимала его крепко к груди. Ей сразу вспоминалось, как один из незваных гостей всхрипывал, словно жирный хряк, пока его руки бродили по её телу. Как он постанывал, забивая мечущуюся Аяну в угол. Как потом несколько дней на её коже, казалось, сохранялись липкие отпечатки рук, и от этого внутри поселялась мутная тошнота...

Забудь. Забудь про это.

Через мутный глазок разглядеть хоть что-нибудь в подъезде было практически невозможно. Тёмный силуэт, согбённые плечи, лысая голова.

Мужчина, покачнувшись, вновь забарабанил в дверь, громче и глуше, лицо его скривилось. Проморгавшись, лампочка в подъезде истерично вспыхнула и наконец-то затопила всё вокруг ровным светом — в одну секунду Аяна увидела и ледяные глаза незнакомца, и большой чёрный шрам во весь лоб, и знакомый оскал...

Отшатнувшись, она вцепилась руками в щеколду — открыто, чёрт, чёрт! Тихо и столь аккуратно, что судорогой свело пальцы, девушка потянула металлический язычок, пристально глядя ваясь в незнаком...

Да какой он незнакомец. Лучше бы она его и правда не знала.

Миллиметр. Ещё один. Тихо, главное, чтобы щеколда не лязгнула раньше времени, чтобы он

не толкнул дверь, озлобившись, чтобы она только успела... Он загрохотал кулаками, и Аяна дёрнулась, как от удара. Дёрнулась и рука — щеколда неслышно встала в паз. Миг — и дверь на замке.

Он бился там, снаружи, стучал изо всех сил так, что дверь ходила ходуном, и теперь уж щеколда дала себе волю — застонала, зазвенела тонко.

— Открой! — заревел папашка. — Я знаю, ты дома!

Аяна неслышно скользнула в детскую. Лидка, окаменев, сидела на диване. Петька уже не плакал: мальчика уложили на диван, и он кряхтел что-то едва слышно. Молчал Илья.

Санёк прощупывал карманы ветровок, хмурился. Но в один миг лицо его озарилось, будто лампочку включили внутри головы, и в руках Санька мелькнул небольшой нож с тусклым лезвием.

— С ума сошёл?! — судорожно зашипела Аяна. — Тюрьма по тебе плачет! Убери...

— Кто там? — слабо спросила Лидка, будто не слышала их.

Аяна вместо ответа щёлкнула выключателем, и комната потонула во мраке.

— Тихо. Ни звука, — шепнула Аяна.

— Кто. Там, — голос Сашки, глухой и взрослый, показался чужим в темноте, и Аяна вздрогнула. Чеканя каждое слово, Санёк поиграл лезвием в руке, и оно блеснуло, приманивая взгляд.

— Папашка, — выдавила из себя Аяна, закусив губу. В комнате матери раздался шум. Проснулась.

Чёрт.

— Твой папа? — глупо спросила Лидка.

— Не пори ерунду! — вспыхнула Аяна. — Я его не узнаю, даже если встречу. Нет, там последний папашка. Тот, которого посадили.

— И уже выпустили, — криво усмехнулся Санёк и рухнул на диван, прислонившись боком к Лидке, которая прикрыла глаза руками. Она испуганно глянула на брата из-под пальцев, но поняла, что он пришёл не обидеть.

А защитить.

— Сидите тихо, смотрите за Петькой. Я сейчас, — распорядилась шёпотом Аяна. — Свет не включайте. Дождёмся, пока уйдёт.

— Зови, если чего вдруг, — сказал Сашка. Нож в его руке уже не дрожал.

Аяна прикрыла дверь в тот момент, когда из своей комнаты выползла мать. Тело её почти вывалилось в коридор — мама схватилась нетвёрдой рукой за облезлый косяк, испуганно шарахнулась от Аяны и чуть не рухнула обратно. Дочь подхватила её под локти.

Мамины руки были сухими и холодными.

— Кто там? — громко спросила женщина.

— Твой последний муж, — нервно отозвалась Аяна.

Мать снова отшатнулась и побледнела. Затихла.

Рука её сама собой потянулась к шее; Аяна сразу вспомнила завершенное волосами лицо, побагровевшее от натуги, сине-лиловые отпечатки пальцев на коже... Как мама хрипела, билась по полу, и как сама Аяна, стоя перед ней на коленях, делала искусственное дыхание: вжималась дрожащими губами в её мертвеющие губы, вдыхала во всю мощь лёгких, пока мать, выпучив желтоватые белки глаз, умирала на руках у дочери. Умирала на грязном полу, пока очередной папаша курил на кухне, заматывая полотенцем рассечённые костяшки.

Аяну как обухом ударило, когда она вспомнила торопливое Лидкино движение там, в детской, — старшая сестра догадалась об этом только в коридоре, когда папаша, отсидев положенный срок, уже пришёл «домой». Пару мгновений назад детскую освещал лишь серый полумрак с улицы, но и его было достаточно, чтобы всё разглядеть.

Фёдор, новый отец, в тот день ударил и Лидку — маленькую ещё, глупую Лидку, и она плакала под столом в комнате, пока Аяна не вытащила её на свет божий и не прижала к груди. Раньше на помощь всегда приходила Виктория, но теперь Аяна только и могла, что мучиться от бессилия, глядя, как крохотная Лидка заливается слезами.

— Открой! — сейчас ревел он

в подъезде и ломился в двери — врезался плечами, разбегаясь, от чего старая дверь дрожала, словно в лихорадке. Мать желтоватыми ногтями вцепилась в руки Аяны:

— Не открывай! Только не открывай ему!

Её отчаянный шепот зазвенел в воздухе комариным пискком.

— Давай полицию вызовем, — попросила Аяна. — Пусть его заберут.

— Нет... Его только освободили, ему нельзя... Я попробую... Поговорить. Через дверь. Иди к мелким.

— Сможешь сама? — спросила дочь, торопливо поправляя взлохмаченные волосы.

— Да.

— Только не вздумай открывать, что бы он ни обещал. Не смей его пускать!

— Аяночка... — мама вдруг улыбнулась и неумело погладила руки дочери. — Ты ещё такая маленькая, ничего не понимаешь...

— Больше я тебя откачивать не стану, — пообещала Аяна и отвернулась.

Дверь выгнулась с грохотом, и Аяна вцепилась в холодные ладони матери. Инстинктивный, давно забытый жест из детства — спрятаться за маму.

Мать привлекла Аяну к себе и обняла её крепко. И Аяна впервые за долгое время позволила себе зажмуриться, скользнуть руками по маминой худой спине.

Хрупкая и слабая девочка, которой так хорошо было в маминых объятиях. Сейчас, занимаясь всей малышняй сразу, Аяна и не помнила, каково это — просто быть ребёнком, просто дышать маминым теплом.

Хоть на минуточку. На секунду. На мгновение.

— Не открывай ему только, — повторила Аяна, отстраняясь, и голос её, ломкий, рассеялся во тьме. Мама кивнула.

— Иди. Успокаивай их.

Новый удар, скрежет и вой, злобный и дикий.

Аяна прошмыгнула в детскую.

Вскрикнула Лидка — дети, испуганные, жались друг к другу на диване, и снова страшный грохот по двери, и судорожный шёпот, и чёрный силуэт старшей сестры... Нервы на пределе. Санёк мигом закрыл сестре рот, а за их спиной захныкал маленький Петька. Аяна взяла его на руки и прижала к себе, пригладила взлохмаченные волосы. Он мигом приник к сестре, вцепился тоненькими пальчиками в её футболку.

— Трясётесь, как мыши? — как можно беззаботнее спросила Аяна.

— Он дверь выбьет, — свистящим шёпотом сказала Лидка.

— Не выбьет! — фыркнул Санёк. — Соседи вызовут мусоров. Этого козла увезут.

— Всё нормально, — сказала Аяна, оглядываясь в поисках того, что помогло бы ей отвлечь

братьев и сестру. Или того, чем можно было бы ударить Фёдора, если он всё-таки ворвётся в их квартиру.

Вручив Петьку сестре, Аяна вытащила большое пуховое одеяло — им все малыши в этой квартире укрывались до той поры, пока не потечёт июньский жар из форточки. Одеяло было широким и тяжёлым, пусть немного и не свежим.

— Что ты делаешь? — негромко спросил Санёк, в правой руке сжимая нож, а левой вцепившись в узкую ступню Ильи.

Аяна не ответила — она набросила одеяло на письменный стол так, чтобы широкие бока его свесились до пола, создавая шалаш. Прямо как в детстве. Внутрь она запихала подушки, сдёрнутую в пылу ссоры простыню, груды чьих-то вещей. Для мягкости согдится.

— Убежище? — тихо поинтересовалась Лидка, на руках у которой извивался ворчливый Петька, мечтающий вернуться на руки к старшей сестре, которая и пелёнки ему меняла, и кашей вкусной не забывала кормить, и просто подходила чаще, чем все остальные дети.

— Убежище, — кивнула Аяна и с трудом подняла с дивана скрюченного Илью, чьи длинные ноги скребли по полу. Уложила его под столом, неповоротливого и окостеневшего. — Прячьтесь.

— Детский сад, — фыркнул Санёк, поднимаясь. Нож он чуть

выставлял вперёд, будто это придавало ему уверенности в себе.

Аяна остановила Сашку — схватила его за запястье, удержала на месте. Лидка сноровисто заползла под одеяло, устроила кряхтящего Петьку в самом углу. Из укрытия высунулась её рука с толстым шрамом и утянула внутрь детский матрасик.

— Подожди, — попросила Аяна едва слышно, глядя брату в глаза.

— Я лучше мамке помогу, — хмуро ответил Санёк. — Отстань.

— Мать пообещала, что не выпустит его, — и тут же новый удар, от которого, казалось, содрогнулся дом, прогрехотал пушечным выстрелом. Материнский голос за дверью взвизгнул истерично. — Она разберётся, не лезь в их дела. Взрослые же.

— А чё, сидеть и сопли мотать? — ощерился Санёк.

— Помогать младшим, — сказала Аяна. — Им будет спокойнее, если рядом будешь ты. Ты самый сильный из нас.

— Ой, заткнись, — фыркнул Санёк, но губа его, выпяченная, дрогнула по-детски.

— Помоги, пожалуйста, — попросила тихонько Аяна, не отпуская Сашку. Она, быть может, была единственной, кто видел за его извечной жестокостью, грубостью и воровством что-то светлое, давным-давно спрятанное внутри.

— Недолго только, — буркнул Сашка. — Такой хренью занимаемся...

— Спасибо, — просто сказала

Аяна, подхватывая с пола ещё много тряпья.

Под столом от духоты было трудно дышать — Лидка пыхтела, как паровоз, большая и тучная, глядела круглыми от страха глазами. Аяна зажгла фонарик на телефоне и положила в центр их шалаша. Яркий луч ударил в потолок, не ослепляя, но заливая всё вокруг белым светом. Внутри убежища сразу стало светло и уютно.

Илью задвинули в угол — он сидел бесстрастно, скрючившись и сложив на груди руки. Рядом с ним усадили Петьку — едва держась, мальчишка оглядывался по сторонам с восторгом. Его неумело придерживала Лидка.

— Жируха, — буркнул Санёк, который ещё злился на себя за слабость. — Двигайся, я не помещаюсь!

Лидка забилась поглубже, смолчала как обычно.

— Саш, — устало попросила Аяна. — Давай не сейчас.

— А я чё сделал?!

— Ничего.

Она взяла Петьку, устроила его на груди, и братишка, который давным-давно уже должен был спать, мигом сонно прикорнул, свернувшись калачиком.

— И что? — глумливо спросил Санёк. — Будем курить? Петь песню под костёр? Травить ужасы?

Дверь снова взвыла от удара, за ней всхлипнула мама — там, далеко, за пределами их убежища. Аяна, задумавшись, накручивала

прядь Петькиных волос на палец. Чуть отогнули полог одеяла, чтобы было чем дышать.

— Что хотите? Давайте сказку расскажу.

— О, сказка, круто! — с восторгом зашипел Сашка.

— Помолчи! — с мольбой попросила Лидка. — Хоть немного помолчи. И так страшно, что аж...

— Что аж чё? — ехидно спросил он, ущипнув сестру за ногу. Лидка ойкнула.

— Что аж страшно! — отозвалась Лидка и отвела глаза. — Дай ей договорить. Хоть сказку, хоть песню... Петя поспит, и Илья тоже... Расскажи, Аян.

— Сейчас...

Они сидели, забившись под старый стол, где подпоркой громоздились стопки пыльных книг. Сидели, скрючившись, затянув под свод одеяла длинные ноги, тесно прижимались друг к другу боками. В их маленьком убежище было почти спокойно, почти хорошо.

Ещё убрать бы этот грохот и мамины истеричные всхлипы...

— В одном маленьком городке, — начала Аяна, отчаянно пытаясь придумать хоть что-нибудь, но в голову ничего не приходило, страх угнетал всё, — жила-была маленькая девочка. Её все называли Страшилка...

— Потому что она была страшная, как наша Лидка, — хрюкнул Санёк. Казалось, что он совсем расслабился, только нож продолжал крепко держать в ладони.

Лидка насупилась. Сердце в груди у Аяны стучало загнанно и тревожно.

— Так вот... Страшилка всегда и всего боялась. Просыпалась дома и боялась, что день будет плохим. Подходила к окну и боялась, что в неё ударит молния. Шла на кухню и боялась, что... Что из чайника прольётся кипяток. Умывалась в ванной и боялась проглотить зубную щётку...

Санёк снова хохотнул — во время, потому что в коридоре что-то загрохотало с такой силой, будто папаша всё-таки выбил старую дверь. Петька сонно завозился на груди у Аяны.

— Так вот... Выходила Страшилка на улицу, а там машины летят, кирпичи с крыши падают, голуби крыльями хлопают, а злые дядьки хотят... Ну... В общем, в школе Страшилка боялась учителей. Двоек. В столовой боялась травануться насмерть... После школы её ждали злые одноклассники. Пьяные мужики...

Мысль пошла по кругу, но шум в коридоре поутих. Петька начал сладко посапывать, и дети почти успокоились, будто перегорело в них что-то, устало от долгого страха.

— Страшилка всю жизнь боялась. А в один прекрасный день проснулась и поняла, что больше не будет бояться. Встала и подошла к окну, открыла шторы. А там солнышко светит. Птички поют. Хорошо! В ванной зубы почистила, умылась. На кухне вкусный чай,

плюшки с малиновым вареньем... На улице тепло, бабушки улыбаются, дяденьки двери придерживают. В школе одни пятёрки стала получать, а надо было просто дома с тетрадками посидеть... И поняла Страшилка, что мир не страшный, что она сама все страхи свои придумала. И превратилась Страшилка в...

— Они спят, — оборвал сестру Санёк. Лицо у брата было спокойным, почти умиротворённым.

Аяна скользнула взглядом по детским лицам. Илья постанывал во сне, Лидка положила голову с растрёпанными волосами на его костлявые колени и уснула. Петька сопел у Аяны на груди.

— И правда, — улыбнулась старшая сестра. — Уснули... Как думаешь, он ушёл?

— Наверное, — пожал Санёк плечами. — Тихо же.

— Ну и хорошо. Может, тоже спать будем?

— У меня такое чувство, что сейчас ноги отвалятся. Как они тут спят-то вообще?

— О, а я думала, что только я так мучаюсь, — тихо засмеялась Аяна. Санёк улыбнулся — искренне и без злобы.

Лидка фыркнула во сне и завозилась.

— Знаешь, — вдруг сказал Санёк ломким голосом. — Если бы пришёл мой папка, я бы открыл.

— Даже если бы он вот так в дверь ломился?

— Да. Это же папка, понимаешь? Отец.

— Все папаша нас бросили, — отозвалась Аяна. — Я своего и не помню уже. Он мамку оставил, когда я крошечной была. Вот ей весело было со мной и Викторией... От того, первого, она случайно залетела. А моего любила.

— Откуда знаешь? — зло спросил Санёк. Ему, как и любому ребёнку, отчаянно хотелось верить в то, что мама любила только его папу. Пусть мать была алкашкой, а папа исчез из их жизней давным-давно.

— Мать рассказывала раньше... Но я запомнила. Он ей очень больно сделал, это и подкосило, наверное... Потом только хуже стало. Нас теперь толпа, а ей и дела нет.

— Но папка — это папка, — упрямо буркнул Санёк. Глаза у него едва мерцали. — Я бы всё отдал, только бы...

На кухне взорвалось стекло — посыпались градом осколки, закричала истошно мать. Аяна дёрнулась так сильно, что ударилась головой о столешницу, и всё поплыло перед глазами. Санька как ветром сдуло — он побежал на выручку, прихватив с собою нож. Сонная и ничего не понимающая Лидка тоже резко села.

— Держи его, — Аяна сунула заревевшего Петьку сестре и побежала на кухню.

Санёк, свесившись из окна, орал что-то нечленораздельное и махал ножом в разные стороны, отпугивая Фёдора. По стенам блуждали красно-синие блики —

полиция примчалась на вызов, и теперь оттуда, снизу, доносились крики, возня и мат.

Мать сидела на полу и дрожащими пальцами собирала стекло — осколки рассыпались и хрустели. Лицо матери было тёмным и невыразительным.

— Мама! — Аяна бросилась к ней, схватила за руки и потянула на себя, подальше от разбитого окна.

Мамины руки были вымазаны кровью.

— Порезалась... — виновато пробормотала она и обмякла в руках дочери.

...За Петькой приглядывала осунувшаяся Лидка, Илья молчал на скрипучем диване, таращил глаза в пустоту. Аяна закрыла детей в комнате и попросила никому туда не входить. Мамины руки обработали в два счёта — порезы были пустяковыми. Она просто бросилась собирать стекло после того, как бывший муж засадил в окно булыжником. Санёк, спрятавший свой нож от греха подальше, из дома и вовсе сбежал под шумок — пока оформляли протокол, пока в гостиной сидели сонные медики в шуршащих куртках, пока Аяна искала мамин медицинский полис...

Фёдора, скрутив, увезли прочь. У Аяны и бледной матери взяли показания. На этот раз полицейские были какими-то незнакомыми и равнодушными, черкали что-то торопливо в документах, не поднимая глаз.

После их отъезда Аяна вышла в подъезд, чтобы оценить масштабы бедствия — дверь почти слетела с петель и едва болталась, выгнутая и перекошенная. Дверь тысячу лет назад подарил очередной депутат, который пришёл с толпой журналистов и долго жал руку тогда ещё маленькой и улыбчивой Машке, которой Аяна наплетла косичек...

Машка.

Только этого сейчас не хватало. Аяна бродила и по-старушечьи куталась в халат, много курила. Мать молчала.

Красивая была дверь. Старую и ржавую махину пронырливый Санёк тогда сдал на металлолом. Теперь придётся искать деньги и на дверь, и на окно — завтра Аяна с матерью забудут его фанерой, укуруют дом от сквозняков.

В подъезде стояла тишина. Соседи сгрудились на балконах — стояли там, курили и лузгали семечки, обсуждали едва слышно очередное побоище в квартире на первом этаже. Привычное развлечение, покруче телевизора. На газоне под окнами хищно поблёскивало битое стекло.

Санёк так и не вернулся той ночью. Петька, наревевшись, уснул на своём матрасике. Заснул и

Илья — его жизнь и так нещадно побила, Аяне всегда за него было обиднее, чем за всех остальных. Хоть он, наверное, ничего и не понял тем вечером... Только Лидка не спала — лежала на широком матрасе, скрестив на полном животе руки, и молчала. Аяна стянула халат с плеч, сбросила его на пол и присела на скрипучий диван.

Все уехали. Тишина. По коридору гулял прохладный сквозняк, заползал через щель под дверью в детскую. Аяна, пытаясь разлепить сонные глаза, скрутила грязное постельное бельё жгутом и подоткнула им дверь, чтобы Петьку с Лидкой на полу не продуло.

— Аян... — позвала Лидка. — Его же забрали, да?

— Да.

— Не отпустят теперь?

— Не отпустят. Спи. Всё в порядке.

Аяна легла на самый край дивана, зажмурила глаза. Сердце стучало где-то в горле. Лидка на полу подползла ближе, воровато, словно невзначай, устроилась прямо у дивана. Аяна выдохнула, свесила руку на пол и нащупала влажную ладонь. Крепко стиснула.

Так они и уснули.

(Окончание следует)